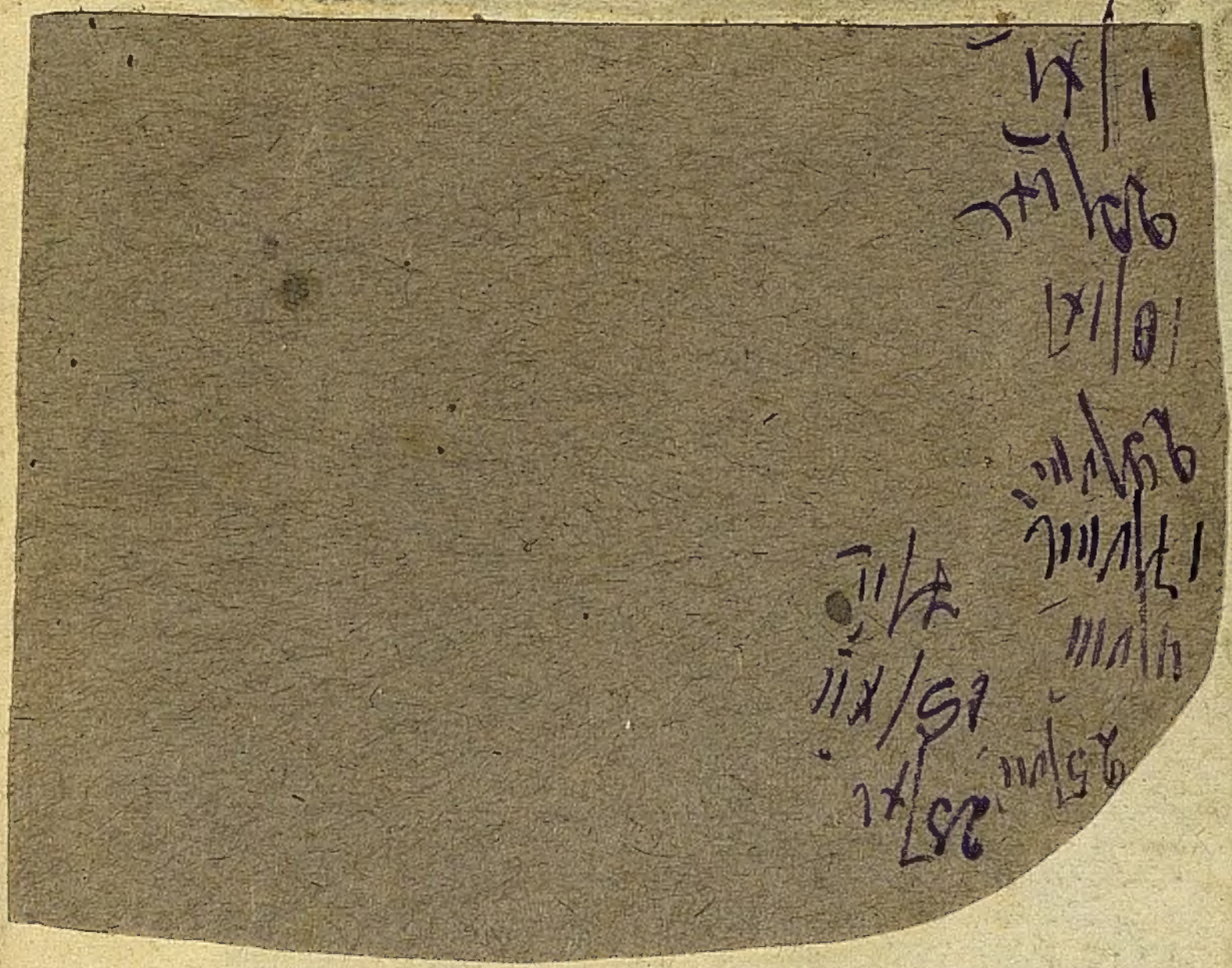
8p1
C-82



Мих. Столяровъ.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ НОВЕЛЛИСТЫ.

Гаршинъ. Короленко. Чеховъ. Горькій.

ПР.08-59
ЦКХ

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. ІОГАНСОНА.
КІЕВЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — ХАРЬКОВЪ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 7-го марта 1901 года.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.
1901.

Предисловіе.

Между художественной литературой и жизнью существуетъ самая тѣсная связь. Содержаніемъ послѣдней опредѣляется не только внутреннее содержаніе, но и форма первой.

За послѣднее двадцатилѣтіе въ русской беллетристикѣ преобладаетъ новелла, или повѣсть. Наши новѣйшіе беллетристы свои впечатлѣнія выражаютъ въ формѣ маленькихъ разсказовъ, въ формѣ этюдовъ; въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ опредѣленной законченности, нѣтъ той округленности, широкаго и всесторонняго освѣщенія интересующихъ художника явленій, какія свойственны роману,—другой общераспространенной формѣ художественныхъ произведеній.

Форма повѣсти отличается отъ формы романа большею эластичностью, благодаря которой живыя явленія отливаются въ ней полнѣе въ отношеніи оттѣнковъ, въ отношеніи индивидуальныхъ чертъ. Романъ, болѣе мертвая форма, имѣетъ дѣло скорѣе съ опредѣлившимися событіями, потерявшими, такъ сказать, свои индивидуальныя особенности за выпуклостью характер-

ныхъ, типичныхъ чертъ. Авторъ въ этомъ случаѣ болѣе объективенъ, чѣмъ въ повѣсти.

Преимущество повѣсти передъ романомъ заключается, именно, въ томъ, что въ первой больше живой непосредственности. Авторъ повѣсти творитъ подъ живымъ впечатлѣніемъ и, находясь во власти настроенія, не заботится подвести подъ болѣе или менѣе опредѣленную мѣрку переживаемое впечатлѣніе, а лишь старается по возможности искреннѣе передать его читателю. Здѣсь больше мѣста свободному творчеству, чѣмъ въ романѣ, гдѣ авторъ не только рисуетъ, но и подправляетъ себя, какъ художника, вводя въ свое повѣствованіе критическія замѣчанія относительно изображаемыхъ явленій. Въ романѣ больше критики; романистъ выступаетъ передъ нами часто въ качествѣ безучастнаго наблюдателя, въ пересказахъ котораго слышится нѣкоторый холодъ. Авторъ романа, можно сказать, поучаетъ своимъ творчествомъ, авторъ повѣсти самъ учится, заставляя вмѣстѣ съ собою учиться и читателя.

Романъ вызываетъ въ читателѣ къ дѣятельности больше умъ, чѣмъ чувство. Съ романистомъ можно спорить, полемизировать, потому что въ освѣщеніи изображаемыхъ имъ явленій слишкомъ много участвовалъ умъ. Можетъ быть, въ зависимости отъ этого, критикъ романа является скорѣе публицистомъ, чѣмъ дѣйствительно художественнымъ критикомъ. Вспомнимъ, напримѣръ, какую бурю разговоровъ въ печати вызвалъ знаменитый романъ Тургенева „Отцы и

дѣти": критики вступали въ отчаяннѣйшую полемику съ художникомъ.

У художника-новеллиста завязывается общеніе съ читателемъ въ сферѣ эмоціональной и общеніе это по самому характеру своему болѣе интимно, чѣмъ общеніе, создающееся на почвѣ интеллектуальной. Критику, какъ типичному читателю, способному къ большей воспріимчивости настроенія художника, не остается здѣсь мѣста для полемики. Ему приходится лишь констатировать данное настроеніе, которымъ проникнуто художественное произведеніе, и устанавливать, насколько искренно это настроеніе со стороны психологической правды. Лучшимъ критеріемъ въ данномъ случаѣ служитъ чувствованіе самого читателя, ergo—критика.

Мы начали съ того, что не только содержаніе, но и форма художественнаго произведенія опредѣляется содержаніемъ жизни. Если, какъ мы сказали, за послѣднее двадцатилѣтіе преобладающей формой въ русской беллетристикѣ является повѣсть, то причину этому нужно искать въ характерѣ самой жизни указаннаго періода.

Сравнивая этотъ періодъ времени съ предшествовавшими эпохами шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, мы сказали бы, что за послѣдними слѣдуетъ признать опредѣленные устои. Каково качество этихъ устоевъ—дѣло другое, но во всякомъ случаѣ у людей того времени была исходная точка, сообщающая опредѣленный характеръ ихъ дѣятельности. Время, смѣнившее эпохи шестидесятыхъ и семидесятыхъ

годовъ, характерно потерею устоевъ, отсутствіемъ какихъ бы то ни было исходныхъ точекъ. Современный человѣкъ живетъ настроеніями, легко смѣняющимися. Самою подходящею формою для запечатлѣнія такихъ, именно, настроеній и является, по своей гибкости, новелла, или повѣсть.

Болѣе яркими представителями новѣйшей русской повѣсти мы назвали бы Гаршина, Короленка, Чехова и М. Горькаго.

Всеволодъ Михайловичъ

Гаршинъ.

I.

Съ Гаршина, можно сказать, начался поворотъ русской интеллигенціи отъ общества къ отдѣльной личности, отъ общественной психологіи къ психологіи индивидуальной. Хотя начало его дѣятельности относится къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ, онъ однако не былъ сыномъ этой эпохи, и въ его творчествѣ, въ противоположность прямолинейности и стремленіямъ къ опредѣленной цѣли народниковъ, слышатся ноты сомнѣнія, разладъ съ идеалами его старшихъ современниковъ.

Эпохи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, въ ущербъ личнымъ интересамъ, отвлекали вниманіе человѣка въ сторону общества, заставляли интересоваться общественной стороной жизни. Правда, въ шестидесятые годы получила свое развитіе теорія эгоизма, въ лицѣ Писарева, но въ данномъ случаѣ подъ эгоизмомъ понималось нѣчто иное, сравнительно съ тѣмъ понятіемъ, какое мы приписываемъ слову „эго-

измъ“ въ наше время. Мы привыкли подъ эгоистомъ разумѣть человѣка, занятаго исключительно самимъ собою, ушедшаго въ себя и съ особенною старательностью оберегающаго свой внутренній покой.

Эгоизмъ шестидесятыхъ годовъ предполагалъ свободу личности, преслѣдовалъ цѣль свободныхъ дѣйствій по личному влеченію и почину отдѣльнаго человѣка. Въ то время не существовало авторитетовъ,—руководящимъ мотивомъ въ поступкахъ считался исключительно развитой путемъ самосовершенствованія умъ. Естественныя науки и методъ этихъ наукъ служилъ прочной гарантіей иниціативѣ отдѣльныхъ личностей.

Культомъ для шестидесятыхъ годовъ былъ разумъ. Всѣ заботы были направлены исключительно къ его воспитанію. Въ его силѣ видѣли главный рычагъ, двигающій человѣчество по пути прогресса. Голосъ чувства почти не былъ слышенъ: въ то время стыдились проявленія чувства, окрещивая подобныя проявленія браннымъ именемъ „романтизма“. Базаровская безпощадность являлась образцомъ для тогдашней молодежи. Человѣкъ, какъ духовное существо, былъ развѣнчанъ. Его призывали къ общественнымъ интересамъ, разумѣя подъ послѣдними исключительно интересы матеріальные. Если указывали на науку, подъ которой въ то время понимались почти исключительно науки естественныя, то въ ней видѣли лишь могучее средство къ достиженію, именно, этихъ, а не иныхъ интересовъ.

Въ то время какъ шестидесятые годы направляли свои заботы на интеллигентную личность, ставили идеаломъ, именно, эту личность, вооруженную въ доспѣхи реальнаго міросозерцанія, эпоха семидесятыхъ годовъ обратила свой взоръ на мужика. Имъ занялись разночинцы, вышедшіе изъ народа, когда просвѣщеніе изъ среды дворянской разлило свой свѣтъ на народную массу.

Дѣятельностью народниковъ руководило больше непосредственное чувство, чѣмъ разсужденія ума. Пилы и Сысойки изъ Подлиповки брали за живое, терзали сердце. За народъ или болѣли душой, или въ его „устояхъ“ жизни находили образецъ для общественной жизни. Глѣбъ Успенскій и Златовратскій являются выдающимися выразителями двухъ указанныхъ воззрѣній на народъ и его жизнь.

Въ семидесятые годы интеллигентъ имѣлъ въ виду опять-таки общественные интересы. Какъ и въ шестидесятые годы, онъ мало занимался собою, какъ индивидуальною единицей, живущей въ самой себѣ. Раньше, правда, онъ съ нѣкоторымъ самоудовлетвореніемъ развивалъ въ себѣ умъ, питалъ его здоровой пищей и, конечно, въ этомъ играли роль не столько эгоистическія побужденія, сколько желаніе быть полезнымъ для общества.

Проповѣдуя теоріи эгоизма, реалисты шестидесятыхъ годовъ въ то же время уважали въ себѣ личность постольку, поскольку она могла быть полезной для общества. Общество поглощало

въ себѣ индивидуальность, отдѣльная личность тонула въ немъ.

И теперь онъ отдавалъ всѣ свои силы народу. Народники, въ противоположность реалистамъ, жили больше чувствомъ, чѣмъ умомъ. Сами выходцы изъ народа, они слишкомъ близко принимали къ сердцу его интересы, своимъ чувствомъ сливались съ чувствомъ народнымъ. Народники, находя симпатичныя черты въ устояхъ народной жизни, гордились этими устоями, переживали счастливыя минуты, или они страдали вмѣстѣ съ народомъ, съ болью сознавая много отрицательнаго въ его жизни.

II.

Реалисты шестидесятыхъ годовъ и народники не чувствовали въ себѣ внутренняго разлада. Отдаваясь во власть логикѣ разума или слушаясь голоса чувства, они были равны въ своихъ поступкахъ, послѣдовательно проводили свои задушевныя мечты и казались непоколебимыми, съ твердыми убѣжденіями, или, какъ говорится, съ царемъ въ головѣ.

Но находясь подъ исключительнымъ руководствомъ одного психическаго начала—ума или чувства—реалисты и народники, какъ и слѣдовало ожидать, пришли къ крайностямъ. Первые дошли въ своемъ культѣ разума до полнаго развѣнчанія живого человѣка, превративъ его

въ бездушный механизъ, дѣйствующій якобы по механическимъ законамъ мертвой природы; вторые,—увлекшись культомъ чувства, приведшимъ ихъ чуть ли ни къ обожанію мужика, въ которомъ они видѣли воплощеніе чистаго, непосредственнаго чувства,—разочаровались и разувѣрились въ своемъ кумирѣ.

Наступило время провѣрки внутренняго содержанія самихъ дѣятелей на пользу общества, тѣхъ путей, по которымъ они шли, поддаваясь своимъ побужденіямъ. Оказалось, что ихъ крайности были обусловлены нарушеніемъ основного закона человѣческой природы,—закона гармоніи между психическими элементами. Рѣшено было возстановить эту гармонію, но по первому же абцугу пришлось убѣдиться, что сдѣлать это не такъ-то легко: при первой же попыткѣ примирить разумъ и чувство пришлось натолкнуться на рѣзкія противорѣчія между ними. Новый человѣкъ попалъ подъ дѣйствіе этихъ противорѣчій и долженъ испытывать мучительную двойственность своего внутренняго міра.

Гаршинъ является характернымъ выразителемъ въ нашей литературѣ такой, именно, двойственности, давившей, по новизнѣ своей, съ особенной силой героевъ его произведеній, приводя большинство изъ нихъ къ роковому концу.

Война не одинъ разъ останавливала вниманіе Гаршина и служила ему какъ бы пробнымъ камнемъ, на которомъ чувство и разумъ имѣютъ между собою состязаніе, сталкиваются другъ съ другомъ и не находятъ примиренія.

Въ разсказахъ „Четыре дня“, „Изъ воспоминаній рядового Иванова“ и „Трусъ“ Гаршинъ рисуетъ намъ картину рѣзкаго противорѣчія между чувствомъ и умомъ,—противорѣчіе, какое вызывала война въ душѣ героевъ указанныхъ произведеній. Чувство возмущается противъ войны, тогда какъ логика ума допускаетъ возможность и даже нѣкоторое оправданіе ея. Въ этомъ противорѣчіи и кроется вся трагедія героевъ: прислушиваясь то къ голосу чувства, то къ голосу ума, они не имѣютъ твердаго, опредѣленнаго убѣжденія, и потому поступки ихъ неувѣренные. Слѣдуя указаніямъ разума, рядовой Ивановъ поступаетъ въ ряды дѣйствующей арміи добровольцемъ и находитъ нѣкоторую удовлетворенность въ томъ, что онъ раздѣляетъ трудность похода съ людьми, обязанными къ этому и безмолвно и даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ относящимися къ своимъ обязанностямъ. Но въ самомъ военномъ дѣйствіи, когда люди, озвирѣвшіе какъ звѣри, разили другъ друга на смерть, логика ума должна была уступить голосу чувства, возмущавшагося нелѣпостью лишенія однимъ человѣкомъ жизни другого.

Герой разсказа „Трусъ“ имѣетъ органическую ненависть къ войнѣ: онъ содрогается отъ каждой корреспонденціи съ поля военныхъ дѣйствій, сообщающей о количествѣ убитыхъ людей. Его трусость передъ войною не можетъ быть объяснена эгоистическими побужденіями, потому что и раньше въ жизни героя бывали случаи, требовавшіе большого риска. Къ тому же участіе въ дѣйствующей арміи онъ могъ бы пред-

отвратить, такъ какъ въ Петербургѣ у него было не мало вліятельныхъ знакомыхъ, черезъ которыхъ онъ легко могъ бы избѣжать похода.

Причина трусости кроется глубже,—именно, въ той самой раздвоенности, какою страдаютъ всѣ герои Гаршина.

Въ разсказѣ „Изъ воспоминаній рядового Иванова“ обращаетъ на себя особенное вниманіе офицеръ Венцель, въ которомъ, послѣ нѣкотораго критическаго отношенія къ нему, нельзя не усмотрѣть въ весьма яркой формѣ внутренней раздвоенности. Этотъ человѣкъ кажется вамъ на первыхъ порахъ какимъ-то звѣремъ, лишеннымъ малѣйшихъ проявленій сердца, никогда не слышавшимъ, повидимому, голоса состраданія къ ближнему: его до крайности грубое обращеніе съ солдатами, съ которыми онъ не церемонится и бьетъ за всякую мелочь, возмущаетъ вашу душу до глубины. Но какъ мѣняется картина сейчасъ же послѣ отчаянной стычки съ врагомъ, когда потеряно пятьдесятъ два человѣка! Венцель—самъ не свой; онъ потерялъ совершенно голову и, плача навзрыдъ какъ ребенокъ, забылъ, казалось, про все окружающее, и съ его устъ не сходятъ жестокія для него слова: „пятьдесятъ два“.

Венцель воплощаетъ въ себѣ двѣ личности; въ немъ нѣтъ гармоніи между умомъ и чувствомъ. Во время похода Венцель весь во власти ума, имъ владѣетъ извѣстная форма, традиціонно выработанная въ томъ сословіи, къ которому принадлежалъ Венцель. Онъ настолько пропи-

танъ ядомъ дисциплины, что, казалось бы, его чувство находится въ полномъ подчиненіи этой дисциплинѣ,—созданію ума. Но это не такъ. При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью сказывается во всей силѣ его двойственность. Чувство вырывается изъ искусственно созданныхъ оковъ, и его проявленія не могутъ задержать никакія умственныя дисциплины.

Психологія Венцеля весьма характерна для произведеній Гаршина. Его герои страдаютъ отъ двойственности, у нихъ умъ и чувство живутъ въ совершенномъ разладѣ, при чемъ чувство коренится гдѣ-то въ глубинѣ и, чтобы вызвать его реакцію, нуженъ слишкомъ сильный реагентъ. Для того, чтобы вызвать движеніе въ сердцѣ Венцеля, нужна была потеря на полѣ сраженія пятидесяти двухъ человѣкъ.

На почвѣ крайняго разлада мысли и чувства создаются всѣ трагедіи въ произведеніяхъ Гаршина. Ближе всего сюда примыкаютъ: „Надежда Николаевна“, „Происшествіе“ и „Ночь“.

Безсоновъ въ „Надеждѣ Николаевнѣ“, человѣкъ съ большими задатками, становится жертвой внутренней раздвоенности. Онъ любитъ Надежду Николаевну, падшую, но въ то же время добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, женщину. Но сознаетъ эту любовь, почувствовалъ ее слишкомъ поздно, уже тогда, когда пущенъ въ дѣло сильный реагентъ. Привыкнувъ жуировать, онъ таскалъ всюду за собою Надежду Николаевну и при такомъ образѣ жизни былъ далекъ отъ мысли близко сойтись съ этой чудной женщиной

и поддержать ее въ ея случайномъ и, во всякомъ случаѣ, поправимомъ паденіи. Безсоновъ былъ во власти ума, во власти ходячихъ сентенцій и не принималъ никакихъ усилій съ своей стороны для того, чтобы разсѣять миражъ этихъ сентенцій, и такимъ путемъ очистить мѣсто живому чувству. Но пока онъ жилъ такъ день изо дня, Надежда Николаевна знакомится съ художникомъ Лопатинымъ, близко сходится съ нимъ и готова перемѣнить свою жизнь и зажить новой жизнью при поддержкѣ чистаго и сердечнаго Лопатина.

Реагентъ введенъ во внутреннее существо Безсонова, чувство вызывается наружу и, долго сдерживаемое, оно проявляется съ неудержимой силой. Въ результатѣ страшная трагедія: Безсоновъ убиваетъ изъ револьвера Надежду Николаевну, а Лопатинъ—Безсонова копьемъ, къ которому лѣтомъ привинчивался зонтикъ.

Въ свою очередь и Надежда Николаевна не открывала своего сердца. Живя среди извѣстныхъ отношеній, она привычкой выработала собственное представленіе о себѣ: она или не довѣряла Безсонову, или просто не хотѣла гнуться передъ нимъ, т. е. опять-таки подчинить свой умъ голосу чувства.

Въ разсказѣ „Происшествіе“ Гаршинъ еще болѣе сильными штрихами дорисовываетъ типъ Надежды Николаевны. Героиня этого разсказа носитъ то же имя. Насколько умъ и чувство разъединены въ этой женщинѣ, видно изъ того, что, несмотря на полную откровенность Ивана

Ивановича, котораго уже ни въ какомъ случаѣ нельзя было заподозрить въ неискренности, она не могла подавить въ себѣ недовѣрія ума и открыть ему своего сердца, способнаго любить чистою любовью... И опять жертва, опять холодная свинцовая пуля уноситъ хорошаго человѣка въ могилу.

Трудно итти прямою дорогой, смѣлой поступью, когда чувствуешь разладъ между первенствующими началами души—ума и сердца. Этотъ разладъ парализуетъ волю, человѣкъ теряется и взвѣшиваетъ свои поступки не предварительно, а послѣ ихъ совершенія.

Надъ тяжелымъ анализомъ, наединѣ съ самимъ собою, мы застаемъ героя разсказа „Ночь“. Съ восьми часовъ и до трехъ ночи просидѣлъ Алексѣй Петровичъ, сводя счеты своей совѣсти. Ему пришлось съ горечью признаться, что за душой не было ни одного подвига, все разнообразіе жизни выражалось во внѣшней рисовкѣ, при существованіи гнетущаго внутренняго однообразія. Не было ничего свѣтлаго, на чемъ измученная душа могла бы отдохнуть. Только звонъ колокола выводитъ изъ оцѣпенѣнія Алексѣя Петровича, судорожно до того сжимавшаго въ рукѣ револьверъ, и мысли по ассоціаціи переносятъ его къ далекому дѣтству, а отсюда—къ ближнему. На минуту понялъ Алексѣй Петровичъ, что эгоизмъ, поддерживаемый холоднымъ умомъ, служитъ причиной собственныхъ страданій, и только страданія за другихъ, создающіяся на почвѣ чувства, сообщаютъ жизни свѣтлое на-

строеніе. Это минутное сознаніе, однако, не въ силахъ было удержать нашего страдающаго героя отъ рокового шага, вернуть его къ жизни, и сдѣлало для него только то облегченіе, что онъ умеръ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ.

III.

Переходя отъ индивидуальной психики къ коллективной, Гаршинъ, какъ и слѣдовало ожидать, рисуетъ намъ неприглядную картину отсутствія какой бы то ни было солидарности, являющагося результатомъ неустойчивости раздвоенной личности. Въ этомъ отношеніи замѣчательны двѣ сказки Гаршина: „Attalea princeps“ и „То, чего не было“, въ которыхъ нужно видѣть аллегорію.

Attalea princeps—ученое названіе бразильской пальмы. Бразильская пальма росла вмѣстѣ съ другими растеніями. Въ оранжереѣ было страшно тѣсно, такъ что корни растеній переплетались и отнимали другъ у друга пищу и влагу; было недостаточно свѣту. И вотъ пальма, благородное дерево, призываетъ остальныя растенія сплотиться воедино, съ цѣлью подняться кверху и напоромъ на рамы и стекла разрушить оранжерею. Отклика на призывъ пальмы не было, за исключеніемъ ползучей травки, вьющейся около пальмы. Attalea princeps вознамѣрилась собственными силами выполнить свою задачу и быстро стала

расти кверху. Она разбила стекла, но на ея несчастье на дворѣ стояла ненастная погода, и злополучная пальма готова опять вернуться подъ крышу. Но бѣда одна не приходитъ. Attalea princeps срубили, такъ какъ она своимъ вольнодумствомъ причинила общій вредъ, а вмѣстѣ съ пальмой выдернули и слабую травку, ютившуюся у ногъ своего благороднаго товарища.

При отсутствіи внутренняго цѣлостнаго содержанія, при фальши и рисовкѣ въ поступкахъ не можетъ быть групповой солидарности: искусственныя отношенія между людьми препятствуютъ общности интересовъ, создающейся на почвѣ совпаденія искреннихъ убѣжденій отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Общество, созданное на искусственныхъ отношеніяхъ между членами, само собою разумѣется, не только не способствуетъ благосостоянію каждаго отдѣльнаго члена, а наоборотъ—еще болѣе вредитъ ему, дѣлая его менѣе сильнымъ, чѣмъ онъ могъ бы быть, живя отдѣльно. Поставленный въ ложныя условія, каждый изъ членовъ общества вынужденъ притворствовать, сочувствовать тому, что не заслуживаетъ сочувствія, и презирать то, что не достойно презрѣнія.

Въ сказкѣ „То, чего не было“ Гаршинъ,—въ видѣ аллегоріи,—рисуетъ намъ разношерстную компанію, собравшуюся на освѣщенной солнцемъ полянѣ и состоявшую изъ навознаго жука, муравья, улитки, ящерицы, гусеницы, кузнечика и двухъ мухъ, усѣвшихся на гнѣдомъ. Въ компа-

ніи этой возникаетъ споръ о сущности міра, о сущности жизни, и каждый изъ членовъ компаніи имѣетъ на этотъ счетъ свое собственное мнѣніе, совершенно различное отъ мнѣній сотоварищей. Навозный жукъ и муравей выставляютъ цѣлью жизни трудъ, при чемъ первый накатываніемъ навознаго шара стремится къ сохраненію своей породы, къ нарожденію новыхъ поколѣній; второй трудится для другихъ себѣ подобныхъ, для „казны“. Кузнечикъ старается доказать, что красота міра призываетъ жить для жизни, веселиться. Для апатичной улитки весь міръ сосредоточенъ въ лопухѣ. Гусеница набиваетъ себѣ животъ для будущихъ бабочекъ. Нечего и толковать, чтобы подобная компанія спѣлась на чемъ-нибудь... и погибаетъ она подъ сапогомъ Антона, пришедшаго за гнѣдымъ и нечаянно наступившаго ногой на расшумѣвшуюся компанію: только мухи улетѣли облизывать увязшую въ варенiи маменьку, да улитка уползла съ оторваннымъ хвостомъ.

Такова аллегорія. Она близка къ современной дѣйствительности, когда люди культурнаго общества не имѣютъ твердыхъ общихъ убѣжденій, которыя могли бы ихъ сплотить въ единое цѣлое и помочь въ достиженіи тѣхъ благъ, которыя недоступны для одного человѣка. Каждый, можетъ быть, имѣетъ свой взглядъ на вещи, но, приспособляясь къ фиктивнымъ общественнымъ устоямъ, не можетъ воспитать въ себѣ этого взгляда, пропустить его черезъ кровь и плоть. Въ силу этого, вмѣсто убѣжденій, царятъ скоропреходящія мнѣнія, которыя расшатываютъ волю,

не давая ей возможности укрѣпиться на чемъ-нибудь твердомъ, непоколебимомъ. Неудивительно, что человѣкъ съ вялой волей терпитъ неудачи, участь его зависитъ отъ случайностей и, какъ это ни печально сознаться, такъ же безпомощно гибнетъ, какъ погибла Гаршинская компанія подъ сапогомъ Антона.

Раздвоенность современнаго человѣка не есть явленіе случайное: оно пустило глубокіе корни, вырвать которые не такъ-то легко. Въ своемъ зародышѣ явленіе раздвоенности личности имѣло характеръ критической провѣрки устоевъ жизни, насколько эти устои отразились въ индивидуальной психикѣ. Мы уже говорили, что послѣ исключительнаго господства ума въ шестидесятые, а затѣмъ такого же господства чувства въ семидесятые годы, долженъ былъ наступить историческій моментъ примиренія того и другого психическихъ началъ. Но добиться такого примиренія не легко, потому что борьба между ними оказалась неравной. Гордый умъ не мирится съ болѣе уступчивымъ чувствомъ, но и это послѣднее не хочетъ находиться въ рабствѣ у перваго, какъ это было когда-то, и изолировалось въ своей жизни, нѣтъ-нѣтъ подавая изъ глубины души свой голосъ—иногда довольно мощный. Но въ большинствѣ случаевъ побѣда остается за умомъ, и его власть мощно проявляется въ формахъ холоднаго эгоизма, индифферентизма и, главнымъ образомъ, лжи жизни. Такимъ образомъ, власть ума породила зло, съ которымъ приходится бороться чувству. Изъ глубины души, сказали мы, послѣднее подаетъ

свой мощный голосъ, заставляя иногда человѣка измѣнять въ корнѣ свою жизнь, какъ это было съ Рябининымъ въ разсказѣ Гаршина „Художники“. Но это только иногда, большею же частью голосъ этотъ является надтреснутымъ, съ болѣзненными призвуками.

Болѣе другихъ извѣстный разсказъ Гаршина „Красный цвѣтокъ“ даетъ намъ яркую картину протеста чувства холодному бездушію,—протеста, выразившагося въ лицѣ героя этого разсказа въ патологической формѣ.

Человѣкъ съ горячимъ сердцемъ, не выносящимъ страданія ближняго, герой этого разсказа тяготится сознаніемъ своего безсилія помочь страданіямъ другого, старается найти выходъ изъ противорѣчія голоса чувства холодной дѣйствительности и, не находя выхода, теряетъ подъ собою почву. Здоровыя сужденія у него перемѣшиваются съ горячечнымъ бредомъ. Неправда людская насколько она могла отразиться на немъ лично, въ его больномъ воображеніи приняла форму общемірового зла, съ которымъ призваны на борьбу, какъ онъ самъ, такъ и другіе больные. Пространство и время для него были фикціей: онъ жилъ во всѣхъ вѣкахъ и въ другихъ больныхъ видѣлъ людей разныхъ временъ. Міровое зло воплотилось для больного въ аломъ цвѣткѣ мака, при чемъ такое воплощеніе явилось результатомъ ассоціаціи по сходству цвѣтка мака съ цвѣтомъ крови, пролитой человѣчествомъ, а съ другой стороны—умозаключенія отъ дѣйствія опіума, который приготовля-

ется изъ мака, къ состоянію человѣчества, погруженнаго въ міровое зло.

Нужно имѣть колоссальныя силы, чтобы побѣдить это зло и избавить страждущее человѣчество: отсюда—манія величія, преувеличенное представленіе о своихъ силахъ; отсюда—болѣзненная склонность въ окружающихъ видѣть не простыхъ смертныхъ, а героевъ, геніевъ.

Вырвавъ съ корнемъ два цвѣтка во время общихъ прогулокъ, больной страдаетъ нетерпѣніемъ уничтожить и третій цвѣтокъ, глубоко вѣря, что съ его гибелью будетъ пресѣчено въ корнѣ міровое зло. Съ лихорадочнымъ возбужденіемъ больныхъ нервовъ, теряя свои послѣднія силы, онъ разгибаетъ желѣзную рѣшетку у окна, перелѣзаетъ черезъ заборъ въ садъ и радостный возвращается обратно, съ болью сжимая на груди своей проклятый цвѣтокъ. Побѣда одержана, и мученикъ внутреннихъ противорѣчій умираетъ со спокойнымъ лицомъ, держа въ рукѣ маковый цвѣтокъ, какъ трофей.

Въ „Красномъ цвѣткѣ“ Гаршинъ хотѣлъ показать, какъ чувство, подавленное обстоятельствами холодной жизни, прорывается наружу съ такой силой, что разумъ человѣка, неподготовленный къ такому бурному проявленію, теряется въ своихъ логическихъ законахъ и не можетъ руководить чувствомъ. Случаи въ психической жизни съ трагическимъ концомъ повторяются довольно часто, и если они проходятъ незамѣченными, то лишь потому, что самая внутренняя борьба, разультатомъ которой является

Гор биб-ка

трагическій финалъ, остается отъ насъ скрытой. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ въ жизни самоубійствъ и разгадку ихъ ищутъ, по обыкновенію, во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни самоубійцы! Правда, самоубійству въ большинствѣ случаевъ предшествуетъ какое-нибудь внѣшнее событіе, кажущееся постороннему наблюдателю ближайшей причиной, но эта видимая причина настолько незначительна, что одна наличность ея далеко не объясняетъ самоубійства. Все дѣло заключается часто, именно, въ той внутренней борьбѣ, жертвой которой сдѣлался, между прочимъ, и герой Гаршинскаго „Краснаго цвѣтка“, и которая характеризуется бурнымъ проявленіемъ чувства, до того находившагося подъ спудомъ разнаго рода измышленій холоднаго разсудка.

IV.

Подводя итогъ всей дѣятельности Гаршина, нельзя не прійти къ выводу, что, характеризуя собою новое явленіе въ индивидуальной психикѣ, именно, стремленіе къ равновѣсію между разсудкомъ и чувствомъ, она констатируетъ пока фактъ разрозненности между этими двумя элементами души. Прошло время безусловнаго подчиненія чувства разсудку, какъ то было въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, а равно разсудка чувству, чѣмъ характеризуется народничество. Но далеко еще до идеала, который намѣченъ въ творчествѣ Гаршина.

Призванный изобразить трагедію человѣческой души, Гаршинъ въ то же время даетъ надежду на то, что трагедія эта не есть что-нибудь непреодолимое, что изъ нея можетъ быть благополучный исходъ.

Въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ Гаршина „Художники“, въ которомъ сказалась положительная сторона творческой дѣятельности нашего художника, и по которому можно судить, чего желала его измученная душа, изъ себя самой извлекавшая трагическіе образы.

На сценѣ два художника: Дѣдовъ и Рябининъ. Первый—пейзажистъ и представитель чистаго искусства, второй—жанристъ и склоненъ къ тенденціозности. Дѣдовъ, обезпеченный человѣкъ, видитъ цѣль искусства въ самомъ себѣ и стремится къ тому, чтобы обезпечить себѣ такое положеніе, при которомъ съ полнымъ самоудовлетвореніемъ можно отдаться одному искусству и не слышать вокругъ себя надоѣдливой прозы жизни. Въ концѣ концовъ, онъ получаетъ медаль и ѣдетъ за границу пансіонеромъ академіи.

Рябининъ, болѣе талантливый изъ учениковъ академіи, не можетъ подчиниться холодному расчету, не можетъ отдаться исключительному упоенію природой, такъ какъ онъ чувствуетъ біеніе теплаго сердца, призывающаго его къ людямъ, заставляющаго искать вокругъ себя живой жизни. Глухарь, т. е. человѣкъ, выдерживающій удары молота, при заклепкѣ котловъ, съ особенной силой трогаетъ за живое Рябинина. Онъ спѣшитъ занести страшное впечатлѣніе на

холстъ и изъ-подъ его талантливой кисти выходитъ поразительная картина. Ею онъ думалъ тронуть черствыя сердца, но вообразивъ свою картину на выставкѣ, гдѣ равнодушная публика пройдетъ мимо нея, бросивъ казенную оцѣнку, онъ совсѣмъ отказывается отъ искусства и дѣлается сельскимъ учителемъ.

Этимъ разсказомъ Гаршинъ пытается разрѣшить споръ между разумомъ и чувствомъ. Первый потому не мирится со вторымъ, что послѣднее страшится подставлять себя подъ страданія другихъ и тѣмъ самымъ развивать въ себѣ теплоту, могущую согрѣвать холодъ разсудка. Всѣ герои Гаршина копаются внутри себя, страдаютъ рефлексіей, именно, потому, что чувство въ нихъ хотя и живо, но оно не подготовлено къ активному проявленію. Запросамъ ума оно не даетъ живыхъ отвѣтовъ, а отражаетъ эти запросы, рефлектируетъ ихъ вновь уму, который вслѣдствіе этого играетъ роль резонера. Одно тяжелое, живое впечатлѣніе разрѣшаетъ Рябинину тайну жизни и смѣло выводитъ его изъ запутанной сѣти внутреннихъ противорѣчій!

Владиміръ Галактіоновичъ

Короленко.

I.

Творчество Короленка проникнуто грустно-меланхолическимъ настроеніемъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ останавливается на явленіяхъ жизни, которыя для него самого служатъ загадкой. Въ глубинѣ своего сердца художникъ чувствуетъ что-то хорошее въ приковывающихъ его вниманіе явленіяхъ, но это хорошее неясно рисуется его воображенію, затемняется массою постороннихъ наслоеній. Онъ старается проникнуть чрезъ такія наслоенія въ нутро, такъ сказать, интересующаго явленія, но оказывается безсильнымъ вступить въ заповѣдную область. Художникъ переживаетъ неудовлетворенность, которая и порождаетъ въ его душѣ грусть.

Но грусть грусти рознь. Бываетъ грусть тягостно-мучительная, доводящая человѣка до отчаянія. Грусть Короленка иного характера; она спокойна, меланхолична, потому что авторъ, при неразгаданности интересующихъ его явленій,

чувствуетъ все-таки въ этихъ послѣднихъ хорошую скрытую силу, которая рано или поздно должна освободиться отъ сковывающихъ ее узъ.

Короленко принадлежитъ къ категоріи писателей, которымъ творчество дается нелегко, для которыхъ оно служитъ тяжелымъ средствомъ къ познанію окружающей дѣйствительности. Онъ испытываетъ постоянное тревожное волненіе, ища разрѣшенія подмѣченныхъ имъ ненормальныхъ отношеній между людьми. Онъ съ болью въ сердцѣ замѣчаетъ, что люди отъ этого несчастливы,—и несчастливы по своей собственной винѣ. Но въ чемъ заключается ненормальность въ этихъ отношеніяхъ, что нужно людямъ для того, чтобы ненормальности не было, этого-то художникъ и не можетъ вполнѣ разгадать своимъ проникновеннымъ даромъ. Правда, иногда ему кажется, что онъ нашелъ разгадку таинственныхъ отношеній, спѣшитъ подѣлиться своей разгадкой съ читателемъ, но... новое столкновеніе съ дѣйствительностью разочаровываетъ его, и онъ впадаетъ опять въ грустное настроеніе.

II.

Въ своихъ исканіяхъ внутренняго смысла занимаемыхъ его явленій Короленко довольно послѣдователенъ. Созданные имъ типы имѣютъ близкую родственную связь, и его, напримѣръ,

„Маруся“, напечатанная въ „Сборникѣ“ журнала „Русское Богатство“ за 1899 годъ, останавливается на томъ же загадочномъ типѣ, какой занималъ автора и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ.

Передъ нами каторжный поселенецъ въ Якутской области, Степанъ. Послѣдній хорошо устроился на Заимкѣ: у него заведено хорошее хозяйство, умѣло поддерживаемое его сожительницею —тоже изъ поселенцевъ—Марусей, съ которой онъ имѣетъ возможность сочетаться законнымъ бракомъ; этого, по крайней мѣрѣ, страстно желала сама Маруся. Но не сидится безпокойному Степану въ хорошо устроенномъ гнѣздышкѣ: его тянетъ въ степи, на приволье, а пока онъ, въ томленіи, устраиваетъ всевозможныя каверзы надъ Якутами вмѣстѣ съ татариномъ Абрамомъ Ахметзяновымъ.

Слова, которыми авторъ характеризуетъ Ахметзянова, въ равной степени относятся и къ Степану: „Я понялъ настоящимъ образомъ Ахметзянова со всей его „невинной“ преступностью,—право, я не подыщу тутъ другого слова... Онъ тратится на мелкіе подвиги баранты и воровства въ то время, какъ его имя могло гремѣть наравнѣ съ именемъ Никифорова и Черкеса,—весьма извѣстныхъ въ тѣ годы на Ленѣ начальниковъ спиртоносовъ и хищниковъ золота.“

Какъ не оберегала Маруся Степана отъ пришлыхъ людей, которые могли однимъ неосторожнымъ словомъ всколыхнуть душевный покой Степана, онъ все-таки не высидѣлъ и бѣжалъ

на пріиски, покинувъ любимую женщину и насиженное ею гнѣздо.

При чтеніи повѣсти Короленка „Маруся“, въ вашемъ воображеніи невольно всплываютъ другіе образы изъ произведеній этого писателя. Но прежде всего передъ вами, какъ живой, встаетъ герой извѣстнаго разсказа Короленка „Соколинецъ“.

Соколинецъ, повидимому, осѣлся на поселеніи, но „привычный бродяга обманываетъ себя, увѣряя, что онъ доволенъ своимъ спокойнымъ существованіемъ, своимъ домкомъ и коровкой, и бычкомъ по третьему году, и оказываемымъ ему уваженіемъ.“ Все это было и у Степана и, казалось бы, чего не успокоиться человѣку, но „подошла линія,“ какъ объясняетъ Соколинецъ, —и Степанъ, какъ и послѣдній, мѣняетъ спокойную жизнь на полную всякими приключеніями, въ большинствѣ случаевъ сопряженными съ опасностью для жизни.

Авторъ встрѣтился съ Соколинцемъ въ своей юртѣ, среди тайги, въ одномъ изъ большихъ якутскихъ „наслеговъ“. На него произвела сильное впечатлѣніе исповѣдь бродяги, который открылъ свою душу человѣку, пріютившему его въ непогоду. Обыкновенно Соколинецъ таитъ свои душевныя волненія про себя и даже старается заглушить ихъ въ себѣ.

Въ другомъ мѣстѣ и при другой обстановкѣ этотъ, въ дѣйствительности сильно чувствующій и страдающій, человѣкъ повелъ бы себя съ тѣмъ

же авторомъ въ другой линіи, можетъ быть, до „невинной преступности“ включительно.

Въ очеркѣ сибирскаго туриста „Сибирскій вольтеріянецъ“ разсказчикъ передаетъ, между прочимъ, какъ онъ случайно присутствовалъ на допросѣ судебнымъ слѣдователемъ „Ивана тридцати восьми лѣтъ“ по поводу убійства имъ Убивца, героя популярнѣйшаго очерка Короленка того же имени „Убивецъ“. На всѣ разспросы автора Иванъ отвѣчалъ: „такая ужъ моя линія“, а въ концѣ концовъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ: „Что ты пристalъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдую, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно, а доведись въ тайгѣ матушкѣ или хоть тотъ разъ въ логу (когда разсказчика везъ съ большими деньгами Убивецъ),—тутъ опять разговоръ былъ иного роду... Потому линія другая“.

Убійство Иваномъ тридцати восьми лѣтъ Убивца, собственно говоря, та же „невинная преступность“, что и каверзы Ахметзянова и Степана надъ Якутами. Преступленіе невинно въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, что оно совершено безо всякихъ корыстныхъ цѣлей, по мотивамъ особеннымъ, не имѣющимъ мѣста при дѣяніи злостнаго характера. Съ дѣтскою наивностью Иванъ тридцати восьми лѣтъ объясняетъ на судебномъ слѣдствіи мотивъ своего преступленія такимъ образомъ: „Можетъ ли быть, напримѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять.“ Все дѣло къ томъ, что въ округѣ объ Убивцѣ распространяли слухи, что его убить нельзя.

Подумаешь, что у этого человѣка совсѣмъ заглохли человѣческія чувства и его сердцу недоступна простая жалость къ другому человѣку?!

Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, производятъ на первыхъ порахъ всѣ эти Соколинцы, Иваны тридцати восьми лѣтъ и тому подобные „отверженные“; но Короленко, знакомый съ бытомъ „отверженныхъ“, съ ихъ жизнью, старается разсѣять невыгодное впечатлѣніе къ героямъ своихъ произведеній, говоря въ разсказѣ „Соколинецъ“: Убійца не все же только убиваетъ, онъ еще живетъ и чувствуетъ то же, что чувствуютъ остальные люди, въ томъ числѣ и благодарность къ тому, кто его пріютилъ въ морозъ и непогоду.“

Вѣдь, только чувствуя благодарность къ разсказчику, Соколинецъ обнажилъ передъ нимъ раны своего измученнаго сердца, обнажилъ свою страдальческую душу, и, можетъ быть, въ эту минуту онъ самъ узналъ себя по-настоящему. Если бы въ жизни Соколинца подобныя встрѣчи повторялись чаще, человѣкъ этотъ, можетъ быть, возродился бы къ новой жизни, и не бросался бы въ омутъ рискованныхъ приключеній бродяжничества. Но въ жизни Соколинца было слишкомъ мало хорошаго, развѣ только, поясняетъ онъ, до восемнадцати лѣтъ: „Ладненько тогда жилъ, пока родителей слушался. Пересталъ слушаться—и жизнь моя кончилась. Съ самыхъ тѣхъ поръ я такъ считаю, что и на свѣтѣ не живу вовсе. Такъ бьюсь только понапрасну.“

Вотъ,—именно: Соколинецъ не жилъ, а только бился, поджидая,—какая „подойдетъ линія“.

Подошла линія временнаго смиренія—онъ заводится хозяйствомъ, живетъ по-осѣдлому; но вдругъ—линія поворачиваетъ въ другую сторону—и Соколинецъ срывается съ мѣста и, очертя голову, бросается на пріиски, забывъ про тѣ злоключенія, которыя такъ картинно нарисовалъ онъ автору, повѣствуя о своей прежней бродяжнической жизни.

Герои Короленка – натуры воспріимчивыя, живущія непосредственнымъ чувствомъ, и какъ таковыя имѣющія легкую склонность къ реагированію на внѣшнія впечатлѣнія.

Большинство людей съ завиднымъ терпѣніемъ переносятъ и обычныя житейскія невзгоды, и часто тяжелыя неудачи и вообще несчастія. И какъ легко, обыкновенно, человѣкъ находитъ примиреніе съ самимъ собою и окружающимъ. Именно, жизнь по пословицѣ складывается: „перемелется—мука будетъ“. Подобное явленіе должно имѣть подъ собою какую-нибудь психическую причину. Можетъ быть, оно объясняется тѣмъ, что большинство людей не имѣетъ привычки, или, вѣрнѣе, способности сосредоточиваться на внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, оттѣняя ихъ чувствомъ, и такимъ путемъ вводя ихъ въ интимную сферу своей души. При такомъ воспріятіи впечатлѣній послѣднія могли бы быть въ большей или меньшей мѣрѣ неизгладимыми. Обыкновенно же впечатлѣнія скоро забываются человѣкомъ.

Въ своихъ произведеніяхъ Короленко имѣетъ дѣло съ натурами исключительными. Въ его

герояхъ есть какая-то особенная жилка, которая мѣшаетъ имъ мириться съ внѣшними обстоятельствами, какія создала для нихъ жизнь.

„Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники, —признается Убивецъ.—А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ: жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было,—остался одинъ одинешенекъ на свѣтѣ... И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ и на конецъ того пошатился въ вѣрѣ. Въ старой-то пошатился, а новой еще не обрѣлъ“.

Такія внѣшнія условія, въ какія былъ поставленъ Убивецъ, повторяются сплошь и рядомъ въ жизни людей, однако это не служитъ помѣхой къ тому, чтобы жить въ своемъ обществѣ, помирившись съ судьбою. Убивецъ же порываетъ всякую связь съ прежней обстановкой и ищетъ новыхъ устоевъ, блуждая съ мѣста на мѣсто. Въ концѣ концовъ, онъ попадаетъ добровольно въ тюрьму, назвавшись бродягой—„въ родѣ бы крестъ на себя наложилъ,“—сводитъ знакомство съ Безрукимъ.

Убивецъ самъ объясняетъ существо своей натуры, говоря: „черезъ гордость и къ злодѣямъ этимъ (Безрукому и его сообщникамъ) попалъ самовольно. Отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ. Анъ вотъ онъ, свой-то совѣтъ и довелъ до душегубства“.

Убивецъ убиваетъ Безрукаго, когда тотъ, разсчитывая на его соучастіе, намѣревался убить

жену политическаго ссыльнаго съ двумя дѣтьми, —пассажировъ Убивца, служившаго въ то время у Безрукаго въ ямщикахъ, и воспользоваться ея имуществомъ.

Подобное преступленіе, собственно, ненаказуемо, потому что въ данномъ случаѣ оно явилось слѣдствіемъ обороны своего ближняго; преступленіе Убивца было добрымъ дѣломъ. Но Убивецъ испытывалъ мучительный укоръ совѣсти, считая свое освобожденіе изъ острога неправильнымъ, и ждалъ „правильныхъ судовъ“ присяжныхъ, желая отъ нихъ слышать окончательный себѣ приговоръ. Ему не довелось однако дождаться новыхъ судовъ, такъ какъ онъ былъ убитъ Иваномъ тридцати восьми лѣтъ.

Уйдя отъ людей, Убивецъ снова возымѣлъ желаніе вернуться въ ихъ среду, но онъ не вѣрилъ своей невинности и ждалъ подтвержденія таковой отъ суда общественной совѣсти, послѣ котораго только и могъ бы успокоиться. И здѣсь, строго говоря, сказался тотъ же гордый Убивецъ, который когда-то изъ-за своей гордости ушелъ отъ людей, руководствуясь „своимъ совѣтомъ“. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, съ чѣмъ мирится большинство людей, и сталъ „задумываться“ надъ несправедливостью жизни. Поставивъ однако себѣ послѣдній вопросъ, Убивецъ не могъ найти какого-нибудь разрѣшенія его своими силами: „грамотѣ обученъ плохо,—поясняетъ онъ;—разуму своему тоже не вовсе довѣряю“... Близкихъ людей около него не было, и онъ оставался „одинъ одинешенекъ“.

Не думается, чтобы Убивцу помогла особенно грамота, потому что и при ней онъ все-таки остался бы одинокимъ по своей натурѣ; близкіе люди, можетъ быть, спасли бы Убивца, но ему нужна была близость особаго рода, и во всякомъ случаѣ его не удовлетворило бы одно кровное родство. Ему нужна была близость духовная, при которой онъ могъ бы всегда высказываться откровенно передъ другимъ человѣкомъ, довѣрять ему свои сокровенныя тайны. Онъ слишкомъ гордъ для того, чтобы дѣлиться своими сомнѣніями съ человѣкомъ, не могущимъ, по его мнѣнію, понять его.

III.

Способные, обыкновенно, отъ природы, герои Короленка не имѣютъ упрямства примѣнять свои способности въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи. Ихъ вниманіе не можетъ остановиться на болѣе или менѣе долгое время на одномъ предметѣ и перебѣгать съ предмета на предметъ. Вслѣдствіе неспособности усиліемъ добиваться той или другой цѣли въ жизни и въ то же время поджигаемые болѣзненнымъ самолюбіемъ отъ внутренняго сознанія своихъ способностей, они не удовлетворяются тѣми условіями жизни, въ какія поставлены, и, отказываясь поднять руку на то или другое дѣло, свысока смотрятъ на окружающихъ и предпочитаютъ пропивать свои силы, чѣмъ работать.

Въ эскизѣ изъ дорожнаго альбома „Рѣка играетъ“ авторъ знакомитъ насъ съ типичной въ этомъ отношеніи фигурой перевозчика на паромѣ черезъ рѣку Ветлугу, Тюлина.

Способности Тюлина, какъ перевозчика, признаются всѣми, кто только пользуется его услугами. Авторъ, напримѣръ, отъ одного мужика, ожидавшаго вмѣстѣ съ нимъ на берегу Тюлина, безпечно предававшагося пьянству на другомъ берегу съ артельщиками, слышитъ такую оцѣнку Тюлина: „Подлецъ мужичокъ, будь онъ проклятъ! А и то нужно сказать: дѣло свое знаетъ. Вотъ пойдетъ осень или опять весна: тутъ онъ себя покажетъ. Другому бы ни за что въ водополь съ перевозомъ не управиться. Для этого случая больше и держимъ.“

Автору самому пришлось наблюдать подвигъ Тюлина въ его маленькомъ дѣлѣ.

Описывается сцена перевоза. Паромъ несетъ по теченію и его нельзя было удержать, потому что лѣнивый и безпечный Тюлинъ не захватилъ длинныхъ шестовъ. Но достаточно было небольшого „огрудка“, т. е. достаточно было достать до дна рѣки имѣющимся шестомъ, всей апатіи Тюлина какъ не бывало, и свойственная его физіономіи сонливость смѣнилась выраженіемъ воодушевленія. Въ немъ пробудились творческія силы и онъ привелъ въ восхищеніе даже такого холоднаго философа, какъ Евстигнѣй. Но подвигъ совершенъ—и „глаза Тюлина опять потухли и весь онъ размякъ.“

Тотъ же Тюлинъ чувствуется въ героѣ другого разсказа „За иконой“—сапожникѣ Андреѣ

Ивановичѣ. Разсказчикъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ, совершаемомъ ежегодно при переноскѣ иконы Богородицы изъ Нижняго въ Оранки. Спокойный и безразличный по обыкновенію, Андрей Ивановичъ здѣсь, на свободѣ, вдали отъ зоркихъ глазъ жены своей, Матрены Степановны, державшей его въ ежовыхъ рукавицахъ, проявилъ въ сильной степени страстность своей натуры. То онъ выступалъ ярымъ обличителемъ пьяныхъ купцовъ, ѣхавшихъ на парѣ за иконой, или молодокъ-мѣщаночекъ, предлагавшихъ итти въ компаніи и весело и не безъ грѣха провести ночлегъ вмѣстѣ, то велъ горячіе споры съ раскольниками, зачастую поражая искусныхъ начетниковъ силою природной сообразительности и непосредственнымъ чутьемъ правды. Его разсужденія являлись результатомъ свободнаго творчества, а не схоластической эрудиціей раскольника заученныхъ софизмовъ.

Но вотъ поэтическая пора мимовала: близокъ домъ, опять нужно „надѣвать хомутъ“ и „буйный демократизмъ перваго дня нашего путешествія,—повѣствуетъ авторъ,—совсѣмъ съ него схлынулъ“. Андрей Ивановичъ снова будетъ по шаблону снимать съ заказчиковъ мѣрку, относить работу, получать деньги и передавать ихъ въ руки своей повелительницы, Матрены Степановны. Въ моменты свободной жизни Андрей Ивановичъ презрительно относится къ какимъ-нибудь купцамъ-давальцамъ, считая ихъ ниже себя. Но погасли въ душѣ искры, „надѣтъ хомутъ“ и Андрей Ивановичъ становится ко всему

безразличенъ, не замѣчая даже той угодливости, съ какою онъ теперь относится къ тѣмъ же презрѣннымъ купчикамъ.

Повидимому, Тюлинъ и Андрей Ивановичъ отличаются отъ Соколинца и Степана—съ одной стороны, а съ другой—отъ Убивца. Соколинецъ и Степанъ, какъ мы видѣли, не уживаются въ своей средѣ, и если по временамъ, обманывая себя, возвращаются и остаются здѣсь, то не надолго, стремясь снова на приволье; Убивецъ—нѣсколько уступчивѣе Соколинца и Степана: онъ раскаивается, повидимому, въ поступкахъ прежней мятежной жизни и ищетъ примиренія съ людьми. Но не нужно забывать, что Убивецъ остается попрежнему гордымъ и, не довѣряя простымъ смертнымъ, надѣется найти успокоеніе въ своихъ мученіяхъ совѣсти въ новомъ, по его мнѣнію, высшемъ судѣ, у присяжныхъ судей; Тюлинъ и Андрей Ивановичъ, видимо, живутъ спокойно, прикрѣпившись къ опредѣленному мѣсту, и у нихъ нѣтъ какъ будто склонности къ кочевой жизни. Но это отличіе Тюлина и Андрея Ивановича отъ первыхъ трехъ типовъ лишь видимое. Характеръ психики у всѣхъ нихъ одинъ и тотъ же, и видимое различіе кроется, собственно, въ волевыхъ проявленіяхъ душевныхъ волненій. Всѣ они, прежде всего, одиноки, потому что не удовлетворяются обычной обстановкой, предуготовленной имъ судьбою, не находятъ ни сочувствія своимъ стремленіямъ, ни попытки со стороны окружающихъ войти въ кругъ запросовъ ихъ души. Явное дѣло, что они испытываютъ тяжелое состояніе неудовлетворен-

ности, но внѣшнее выраженіе этой неудовлетворенности у нихъ разное. Соколинецъ и Степанъ живутъ рефлексами, которыхъ они ни мало не въ состояніи сдерживать. Тюлинъ и Андрей Ивановичъ, наоборотъ, живутъ внутри себя, не обнаруживая своихъ внутреннихъ волненій рѣзко во внѣшнихъ движеніяхъ. Однако и ихъ мятежность духа проявляется извѣстнымъ образомъ, когда обыкновенно сдерживаемые рефлексы должны найти себѣ тотъ или другой выходъ: у Тюлина такое проявленіе выражается въ безпорядочномъ пьянствѣ, у Андрея Ивановича— „въ безпорядочной страстности“, въ томъ „буйномъ демократизмѣ“, какой пришлось наблюдать автору на пути въ Оранки и въ самыхъ Оранкахъ.

Всѣ симпатіи автора на сторонѣ его героевъ. Въ нихъ онъ смутно угадываетъ что-то близкое, родное себѣ. Сравнивая Тюлина съ „умственными мужиками“ изъ поповцевъ, скитниковъ и скитницъ разныхъ толковъ, при религіозныхъ спорахъ которыхъ автору пришлось присутствовать на „святомъ озерѣ“ у невидимаго града Катежа, онъ заключаетъ:

„И я думалъ: отчего же это такъ тяжело было мнѣ тамъ на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди „умственныхъ мужиковъ“ и начетниковъ, и такъ легко, такъ свободно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ, безалабернымъ, распущеннымъ и вѣчно страждущимъ отъ похмѣльнаго недуга перевозчикомъ Тюлинымъ? Откуда это чувство тяготы и

разочарованія, съ одной стороны, и облегченія—съ другой? Отчего на меня, тоже книжнаго человѣка, отъ тѣхъ вѣетъ такимъ холодомъ отчужденности, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ—

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Милый Тюлинъ, милая, веселая, шаловливая, взыгравшая Ветлуга! Гдѣ же это и когда я видѣлъ васъ раньше?“

То же предпочтеніе передъ раскольниками, умудренными въ священномъ писаніи, Короленко отдаетъ Андрею Ивановичу. „При всей своей безпорядочной страстности,—заключаетъ Короленко послѣ одного спора своего героя съ начетниками,—добрый человѣкъ былъ навѣрное ближе къ истинному смыслу христіанскаго ученія, чѣмъ многіе развитые люди.“

Андрей Ивановичъ чувствовалъ правду, но ему трудно было формулировать ее, и онъ испытывалъ глубокое огорченіе передъ лицомъ схоластической эрудиціи раскольниковъ. Автору было досадно видѣть своего героя въ затруднительномъ положеніи,—тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ всю неискренность его противниковъ. Холодъ разсужденій раскольниковъ явно показывалъ, что ихъ интересуетъ не сама истина, а словесный турниръ, между тѣмъ Андрей Ивановичъ со всѣмъ напряженіемъ своихъ силъ стремится разгадать смыслъ тѣхъ явленій, которыя

его интересуютъ въ данную минуту. Наблюдая за нимъ, авторъ подмѣтилъ, что „въ немъ бродятъ, не находя исхода, искренніе и глубокіе запросы.“

Короленко часто противопоставляетъ въ своихъ произведеніяхъ умъ непосредственному чувству и склоненъ отдавать предпочтеніе послѣднему. Въ Тюлинѣ авторъ вспоминаетъ самого себя,—теперь книжнаго человѣка,—въ своемъ прошломъ, когда онъ руководился исключительно непосредственнымъ чувствомъ,—вспоминается свѣтлое дѣтство. Въ непосредственномъ чувствѣ, съ какимъ относятся герои Короленка къ жизни, вся ихъ привлекательность. Ради этого авторъ отдаетъ имъ всѣ свои симпатіи.

Но отдавая преимущество непосредственному чувству передъ умомъ, авторъ въ другихъ мѣстахъ своихъ произведеній скорбитъ о недостаткѣ образованія своихъ героевъ и какъ бы готовъ признать въ этомъ ихъ несчастіе, неудачи въ жизни.

Въ очеркѣ съ натуры „На затменіи“; изобразивъ явную рознь между толпою и астрономами, какая обнаружилась между первой и послѣдними, авторъ нетерпѣливо восклицаетъ:

„Охъ, скоро ль будетъ день на святой Руси, —тотъ день, когда разсѣются призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо и тѣми, кто только припадаетъ къ землѣ, а въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе грознаго Бога?“

Какъ уже сказано, Короленко принадлежитъ къ типу писателей, для которыхъ творчество служитъ средствомъ для познанія истины, для разгадки непонятныхъ явленій въ нашей дѣйствительности.

Короленко остановился на извѣстнаго рода явленіяхъ этой дѣйствительности, которыя обратили на себя его вниманіе. Онъ встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути симпатичныхъ его сердцу людей и видитъ, что люди эти гибнутъ понапрасну, тяготятся чѣмъ-то, бѣгутъ отъ тяготящей ихъ обстановки и попадаютъ въ условія жизни, заставляющія ихъ совершать рядъ безпорядочныхъ поступковъ. Художникъ ищетъ объясненія подмѣченныхъ имъ явленій.

Онъ слышитъ жалобы отъ Убивца, что тотъ „грамотѣ обученъ плохо,“ и потому, можетъ быть, „пошатился въ вѣрѣ. Въ старой вѣрѣ пошатился, а новой еще не обрѣлъ.“ Короленко замѣчаетъ, что Андрей Ивановичъ за разрѣшеніемъ сомнѣній обращается всегда къ нему, книжному человѣку. Его волнуютъ многіе вопросы. Онъ скептичеки, напримѣръ, относится къ чудесамъ: онъ допускаетъ правдоподобіе чудесъ о ниспосланіи по молитвѣ дождя въ засуху или бури для уничтоженія червей на хлѣбѣ, но не зналъ, что думать, когда ему однажды разсказали про исцѣленіе дѣвушки, у которой съ тринадцатаго года ноги отняло и не стало ей росту. „Онъ невольно поддавался настроенію вѣры, чудесъ и непосредственнаго общенія съ таинственными силами природы.“—„Между тѣмъ во мнѣ,—поясняетъ

авторъ,—онъ съ обычною чуткостью нервныхъ людей улавливалъ совершенно другое умственное настроеніе, не менѣе безповоротное". Авторъ уклонился отъ объясненія чуда съ дѣвушкой, несмѣло заявилъ, что въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе „вѣра". Андрей Ивановичъ во всякомъ случаѣ не могъ не чувствовать отчужденности своей отъ автора, симпатичнаго ему человѣка, не могъ не чувствовать, что препятствіемъ этому служитъ недостатокъ образованія,—„и это мѣшало цѣльности его впечатлѣнія. Формулировать ясно свои вопросы онъ не могъ, я (т. е. авторъ) на его вызовы не поддавался, и потому Андрей Ивановичъ ворчалъ что-то про себя." Понялъ также Короленко, когда пріѣхалъ вмѣстѣ съ другими въ Юрьевецъ, чтобы наблюдать затменіе солнца,—понялъ, что непониманіе толпою астрономовъ, ея враждебное отношеніе къ послѣднимъ, кроется въ томъ же недостаткѣ образованія.

И вотъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ наблюденій, у Короленка невольно вырываются приведенныя выше слова: „Охъ, скоро ль будетъ день на святой Руси" и т. д.

Но это не окончательное разрѣшеніе занимающаго автора вопроса. Если бы только въ недостаткѣ образованія онъ нашелъ объясненіе гибели всѣхъ этихъ Убивцевъ, Тюлиныхъ и имъ подобныхъ, то явленія жизни, которыя служатъ Короленку импульсомъ къ творчеству, получили бы для него совершенно опредѣленное освѣщеніе, между тѣмъ явленія эти не оставляютъ его въ

покоѣ, волнуютъ его душу, вызывая въ немъ новыя догадки и поддерживая грустно-меланхолическое настроеніе.

Въ его душѣ сохраняются, на ряду съ поименованными выше, образы неудачниковъ въ жизни нѣсколько иного свойства, какими являются, напримѣръ, обитатели старой часовни, воспроизведенные въ одномъ изъ самыхъ талантливыхъ произведеній Короленка „Въ дурномъ обществѣ“. Въ этихъ людяхъ настолько есть образованія, что искать причины ихъ неудачъ въ недостаткѣ обученія грамотѣ не приходится. Здѣсь и „профессоръ“, бывшій гувернеръ, здѣсь и Лавровскій, бывшій чиновникъ, здѣсь панъ Туркевичъ и отставной штыкъ-юнкеръ Заусайловъ. Но самой крупной изъ нихъ фигурой является безусловно панъ Тыбурцій Драбъ.

Что мы знаемъ про обитателей старой часовни въ мѣстечкѣ „Княжье вѣко“.

Каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь былъ обиженъ въ жизни. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что „профессоръ“ испытывалъ страшное страданіе отъ словъ: „ножи, ножницы, иголки, булавки“ и нужно предположить, что съ этими словами связано для бѣднаго „профессора“ какое-нибудь страшное событіе изъ прошлой жизни. Бывшій чиновникъ Лавровскій превратился въ босяка вслѣдствіе любви къ красавицѣ Аннѣ, которая за короткое время страстно полюбила пріѣхавшаго въ Княжье Вѣко драгунскаго офицера и бѣжала съ нимъ. Хотя панъ Тыбурцій Драбъ представляетъ загадку въ своей прошлой

жизни, все же чувствуется, что онъ перенесъ тяжелое несчастіе,—по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно заключить по тѣмъ откровеннымъ слезамъ,—когда Тыбурцій оставался наединѣ съ Валекомъ и Марусей,—которыми онъ оплакивалъ судьбу дѣтей. Авторъ не объясняетъ, были ли Валекъ и Маруся родными дѣтьми Тыбурція, но по той любви и ласкѣ, съ которыми онъ относился къ нимъ, нужно думать объ этомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Есть также указаніе на то, что за Тыбурціемъ было какое-то прошлое, которое нетерпимо закономъ, потому что сердечно-растроганный, честный судья, ни разу не поступившійся закономъ, предупреждаетъ Тыбурція, послѣ смерти бѣдненькой Маруси, черезъ сына своего Васю, чтобы тотъ поспѣшилъ оставить Княжъ Городокъ.

Какъ бы то ни было, но жизнь не была ласковой къ обитателямъ старой часовни. А они, въ свою очередь, не хотѣли или, можетъ быть, не умѣли подладиться къ ней, вымолить у нея снисхожденія.

Въ этомъ сказывалась ихъ гордость и замкнутое одиночество, сосредоточенность въ себѣ,—эти характерныя черты, которыя мы отмѣтили и въ прежде упомянутыхъ герояхъ произведеній Короленка.

Выше мы замѣтили, что Соколинецъ открылъ свою душу автору, сердечно пріютившему его въ своей юртѣ въ непогоду, и сдѣлали заключеніе, что Соколинецъ могъ бы вернуться въ общество и быть прекраснымъ членомъ его, если

бы онъ встрѣчалъ побольше сердечныхъ отношеній со стороны людей. Онъ таилъ про себя свои думы, свои сердечныя волненія, потому что былъ увѣренъ въ человѣческой безсердечности, въ замкнутости каждаго въ своей скорлупѣ.

Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и панъ Тыбурцій.

Встрѣтившись однажды въ своей землянкѣ съ Васей, сильно привязавшимся къ Валеку и Марусѣ, Тыбурцій развиваетъ передъ нимъ слѣдующую философію: „Эта исторія (т. е.—„Я нищій, и онъ (Валекъ)—нищій; я краду и онъ будетъ красть. А твой отецъ меня судитъ, и ты когда-нибудь будешь судить... вотъ его“) ведется изстари, всякому свое, suum cuique; каждый идетъ своей дорожкой, и кто знаетъ... можетъ быть, это хорошо, что твоя дорога пролегла черезъ нашу. Для тебя хорошо, amice, потому что имѣть въ груди кусочекъ сердца, вмѣсто холоднаго камня.. понимаешь...“

Въ приведенныхъ словахъ Тыбурцій высказалъ свои задушевныя мысли о человѣческомъ эгоизмѣ, заставляющемъ людей скрываться въ себѣ, или объединяться въ маленькія группы, имѣющія слишкомъ узкую общность интересовъ. Нѣтъ между людьми откровенности, нѣтъ сердечности въ ихъ отношеніяхъ, которыя бодрили бы человѣка, поддерживали въ немъ энергію. При такомъ условіи онъ тратилъ бы послѣднюю съ извѣстною цѣлесообразностью, а не подавлялъ ее внутри себя, чтобы она, подавленная, при удобномъ случаѣ прорывалась наружу и обнару-

живалась: то „въ мелкихъ подвигахъ баранты и воровства“ Степана и Абрама Ахметзянова, то въ неудержимомъ стремленіи къ полной рискованныхъ приключеній бродяжнической жизни того же Степана, Убивца, Соколинца и имъ подобныхъ, то въ безпробудномъ пьянствѣ Тюлина и буйномъ демократизмѣ Андрея Ивановича на волѣ, то, наконецъ, въ цитированіи Тыбурціемъ цѣлыхъ главъ изъ Цицерона и Ксенофонта передъ пьяными хохлами, и вообще—въ жизни такъ-называемыхъ „бывшихъ людей“.

Вся эта галлерея лицъ есть жертва безсердечія людей другъ къ другу и въ то же время чрезмѣрной сердечности и чуть ли не болѣзненнаго вниманія къ самимъ себѣ.

Замуровавшись въ своей скорлупѣ и живя въ узкомъ кругу своихъ собственныхъ интересовъ, большинство людей безмятежно доживаютъ до конца своихъ дней. Въ такой средѣ голоса безпокойныхъ, нервно-ищущихъ опоры въ жизни, натуръ, подобныхъ героямъ Короленка, не слышно.

...Нужно искать средства для того, чтобы согрѣть сердца людей, устранить перегородки одиночныхъ заключеній и поставить людей ближе лицомъ къ лицу,—вотъ на какія мысли наводятъ произведенія Владиміра Галактіоновича Короленка.

Антонъ Павловичъ
Чеховъ.

I.

Чеховъ беретъ по обыкновенію для сюжетовъ своихъ произведеній самые простые случаи изъ жизни. Онъ ничуть не насилуетъ фантазіи, а рисуетъ явленія жизни по живымъ впечатлѣніямъ, имъ самимъ пережитымъ. Читая тотъ или другой разсказъ Чехова, вы получаете такое впечатлѣніе, что какъ будто авторъ только что видѣлъ воочію то, о чемъ онъ разсказываетъ, самъ участвовалъ въ томъ событіи, съ которымъ знакомитъ своего читателя.

Но при всемъ разнообразіи случаевъ изъ жизни, воспроизведенныхъ Чеховымъ въ его произведеніяхъ, вы легко улавливаете одну общую идею или, говоря проще, вы чувствуете, что авторъ какъ будто преслѣдуетъ васъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ. Могло бы показаться, что авторъ тенденціозенъ, имѣетъ предвзятую мысль, подбирая случаи изъ жизни, съ цѣлью

произвести, именно, это, а не другое впечатлѣніе на читателя.

Но, повторяемъ, у Чехова нѣтъ насилованія фантазіи. Слишкомъ ужъ просто рисуется жизнь, слишкомъ непретендательны событія, которыя разсказываются въ произведеніяхъ этого писателя. Очевидно, сама жизнь полна того, что отмѣчается авторомъ въ самыхъ обыденныхъ событіяхъ.

Переживая впечатлѣнія повседневной жизни, Чеховъ умѣетъ или, вѣрнѣе, склоненъ по своей природѣ подмѣчать даже въ мелочахъ жизни, что люди въ своихъ отношеніяхъ обращаютъ вниманіе не на то, на что слѣдуетъ, усматриваютъ первостепенную важность въ такихъ предметахъ, которые въ дѣйствительности не имѣютъ большой важности, и закрываютъ глаза на то, что больше всего могло бы ихъ сблизить, сдѣлать лучшими какъ для другихъ, такъ и для самихъ себя.

Эта склонность людей смотрѣть на окружающее и на самихъ себя не своими глазами вызываетъ въ Чеховѣ тягостное чувство, которое онъ то прикрываетъ слегка смѣхомъ, то выражаетъ болѣе или менѣе открыто.

Въ „Пестрыхъ разсказахъ“ Чехова мы встрѣчаемся съ юморомъ легкаго, такъ сказать, характера. Здѣсь авторъ смѣется, но за его смѣхомъ еще мало слышится слезъ. Однако и здѣсь уже намѣчено то, что такъ сильно выражено въ позднѣйшихъ произведеніяхъ талантливаго беллетриста.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ „Пестрыхъ разсказовъ“, чтобы отмѣтить ту идею, которая потомъ проходитъ черезъ все творчество Чехова.

Въ разсказѣ „Мыслитель“ Чеховъ знакомитъ насъ съ своеобразнымъ мыслителемъ—тюремнымъ смотрителемъ Яшкинымъ.

Яшкинъ водитъ дружбу съ Пимфовымъ, штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Друзья обыкновенно выпиваютъ извѣстное количество водки, и Яшкинъ начинаетъ донимать своей философіей Пимфова. Начинается съ буквы Ѣ, которую Яшкинъ считаетъ совсѣмъ лишней въ русскомъ алфавитѣ и приносящей только одинъ вредъ: тутъ Яшкинъ вспоминаетъ свое дѣтство и тѣ страданія, какія причиняло ему это проклятое Ѣ. Отъ Ѣ тюремный смотритель переходитъ къ жизни вообще и, въ концѣ концовъ, провозглашаетъ, что все въ жизни лишнее и, между прочимъ, наука, а также и представитель науки, къ числу которыхъ принадлежитъ и самъ Пимфовъ.

Уже разсужденія объ Ѣ заставляли волноваться Пимфова, а когда дѣло коснулось просвѣщенія, смотритель уѣзднаго училища съ сердцемъ на своего друга собирается домой. Но Яшкинъ задерживаетъ Пимфова, увѣряя послѣдняго, что всѣ его разсужденія были шуткой, и друзья вновь начинали пить, пока опять Яшкинъ не примется за свою философію.

Разсказъ самъ по себѣ очень простъ, но вдумайтесь въ отношенія Яшкина и Пимфова, и у

васъ въ душѣ останется не одинъ только смѣхъ, но и какое-то непріятное чувство, отъ котораго вамъ хочется какъ-нибудь отдѣлаться.

Въ самомъ дѣлѣ,—философа Яшкина не удовлетворяетъ окружающая жизнь. Онъ хандритъ, недовольный собою и окружающимъ, и въ его философскихъ разсужденіяхъ относительно того, что все въ жизни лишнее, нужно усматривать не простую игру словами, а искреннее признаніе, что у него за душой ничего нѣтъ. Онъ самъ сознается съ болью въ этомъ, но въ то же время не будетъ искать чего-нибудь новаго, что могло бы наполнить его жизнь, а попрежнему день изо дня станетъ выпивать съ Пимфовымъ и упиваться своей философіей.

Объясненіе этому нужно искать въ пристрастіи человѣческой натуры къ прежнему опыту, къ привычкѣ вращаться въ сферѣ хорошо усвоенныхъ формъ, и органической боязни всего новаго, что могло бы нарушить прежній опытъ.

Люди какъ бы забываются въ кругу формально усвоенныхъ ими понятій и на все, что не подходитъ подъ эти послѣднія, стараются не обращать вниманія, не утруждаютъ себя для ознакомленія съ новымъ для нихъ явленіемъ. Жизнь по шаблонамъ парализуетъ умъ, чувство и волю, вслѣдствіе чего между людьми устанавливаются какія-то мертвыя отношенія. Люди не замѣчаютъ того, на что нужно было бы обращать вниманіе и, наоборотъ, придаютъ большое значеніе тому, что въ дѣйствительности почти не имѣетъ никакого значенія.

Инженеръ Крикуновъ изъ разсказа Чехова „Пассажиръ перваго класса“ ведетъ бесѣду на эту тему со своимъ сосѣдомъ. Онъ на примѣрахъ показываетъ, что у насъ, такъ-называемая, извѣстность пріобрѣтается не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало. Крикуновъ приводитъ въ примѣръ одно событіе изъ своей собственной жизни. Онъ выстроилъ прекрасный мостъ, на освященіе котораго собралась масса народу. Конечно, инженеръ ждалъ, что его замѣтятъ, обратятъ на него должное вниманіе. Но каково же было его удивленіе, когда на обращаемые къ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ вопросы, знаютъ ли они имя инженера, выстроившаго мостъ, онъ получаетъ отрицательные отвѣты. А между тѣмъ пѣвичка, съ которою онъ имѣлъ близкія отношенія, обращала на себя всеобщее вниманіе: о ней всѣ говорили, забывая про самый мостъ, и тѣмъ болѣе про его строителя. Во всѣхъ газетахъ потомъ можно было встрѣтить имя пѣвички, про инженера же промолвилась одна какая-то газета, да и та назвала его не Крикуновымъ, а Киркуновымъ.

Но лучшей иллюстраціей къ тому, что доказывалъ Крикуновъ, послужилъ онъ самъ же, когда долженъ былъ съ прискорбіемъ сознаться, что онъ ни разу не слышалъ имени своего собесѣдника,—имени профессора и члена академіи наукъ Пушкова, неоднократно печатавшагося въ нашихъ извѣстныхъ журналахъ.

Не имѣя ни желанія, ни навыка входить поближе въ интересы другого, люди перестаютъ

понимать другъ друга, и сколько трагическаго въ жизни происходитъ вслѣдствіе такого непониманія.

Въ этомъ отношеніи интересны два маленькіе разсказа Чехова: „Устрицы“ и „Тоска“.

Голодный мальчикъ проходилъ съ бѣдствующимъ отцомъ мимо трактира, на вывѣскѣ котораго было выписано: „устрицы“. На вопросъ сына, что такое устрицы, отецъ даетъ ему объясненіе, а немного спустя бѣдный ребенокъ начинаетъ бредить отъ голода, выкрикивая машинально неизвѣстное дотолѣ ему слово „устрицы“.

Собирается праздная толпа, привлеченная крикомъ мальчика и, поджигаемая любопытствомъ и новизною впечатлѣнія, угощаетъ голоднаго и обезумѣвшаго мальчика устрицами, заплативъ за нихъ по складчинѣ до десяти рублей.

А попроси у тѣхъ же самыхъ людей на кусокъ хлѣба, отецъ съ голоднымъ сыномъ остались бы незамѣченными, отъ нихъ каждый старался бы отдѣлаться, какъ отдѣлывались сѣдоки отъ извозчика Іоны Потапова въ другомъ изъ только что названныхъ разсказовъ---„Тоска“.

У Іоны Потапова только что умеръ сынъ, въ которомъ заключалась вся надежда. Іону гложетъ тоска и, чтобы облегчить свое состояніе, онъ ищетъ человѣка, съ которымъ могъ бы подѣлиться своимъ горемъ. Потаповъ пытается разсказать о своей печали каждому сѣдоку, который съ нимъ ѣдетъ, но не такъ-то легко

найти даже простого слушателя: всякій занятъ собой или тѣмъ, что совсѣмъ неважно, и перебиваетъ на первыхъ же порахъ извозчика.

А Іонѣ нужно найти облегченіе, и страшно тоскующій человѣкъ, въ концѣ концовъ, съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ разсказываетъ о своемъ горѣ собственной лошади.

Болѣе сильный юморъ сказался въ „Хмурыхъ людяхъ“ Чехова. Здѣсь уже болѣе откровенно выражена идея, которая отмѣчена и въ „Пестрыхъ разсказахъ“. Передъ нами „хмурость“, явное недовольство, вызываемое безсознательной привычкой „жить зря“ и немногими свѣтлыми моментами, когда зряшная жизнь становится понятной. Но сознаніе пустоты вокругъ себя скоропреходяще, потому что привычка крѣпко держитъ человѣка въ своей власти, онъ какъ бы по принужденію и хмурясь на самого себя разстается со свѣтлыми моментами своей жизни.

Въ разсказѣ „Непріятность“ передъ нами рисуется обстановка, которая способна поработить человѣка и удерживать его, несмотря на временныя вспышки, на протесты косности окружающаго.

Земскій врачъ Григорій Ивановичъ Овчинниковъ безропотно служитъ въ земской больницѣ. молча хмурясь на окружающее. Но съ нимъ случается непріятность: онъ прорывается и довольно рѣзко выражаетъ долго сдерживаемое чувство недовольства.

Григорію Ивановичу на этотъ разъ какъ-то особенно бросился въ глаза пьяный фельдшеръ

Михаилъ Захаровичъ, который и раньше сопровождалъ доктора при осмотрѣ въ такомъ же состояніи, и небрежное отношеніе къ дѣлу акушерки, являющейся не во-время въ больницу. Григорій Васильевичъ ударяетъ фельдшера, не отдавая отчета въ своемъ поступкѣ. Поступокъ обдумывается послѣ этой „непріятности“. Сначала докторъ рѣшаетъ написать письмо къ предсѣдателю земской управы, но такое рѣшеніе показалось ему слишкомъ элементарно разрѣшающимъ вопросъ совѣсти. Съ предсѣдателемъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и онъ зналъ, что тотъ уволитъ фельдшера, несмотря на протекцію послѣднему со стороны тетки, служившей въ то время нянькой у предсѣдателя. Нужно свой непріятный поступокъ представить на судъ общественной совѣсти, и докторъ самъ внушаетъ фельдшеру мысль подать на него мировому. Тотъ такъ и поступаетъ.

Но здѣсь разрѣшается вопросъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ Овчинникова, до глупости просто.

Мировой судья—тоже свой человѣкъ доктору, и, когда послѣдній является съ повѣсткой въ камеру, у нихъ завязывается разговоръ по поводу послѣдняго событія по-семейному. Сюда же приходитъ предсѣдатель управы и, дружески пожуривъ доктора за безпокойство, разрѣшаетъ вопросъ совѣсти по-пріятельски. Онъ заставляетъ фельдшера извиниться передъ докторомъ, и разомъ кончаетъ дѣло. Докторъ началъ, было, протестовать, но... подали водку и закуску, и онъ

по привычкѣ выпиваетъ рюмку водки и закусываетъ редиской. А на слѣдующій день вновь обходитъ больныхъ въ сопровожденіи тѣхъ же фельдшера и акушерки. „Ему стало стыдно, что въ свой личный вопросъ онъ впуталъ посторонних людей, стыдно за слова, которыя онъ говорилъ этимъ людямъ, за водку, которую онъ выпилъ по привычкѣ пить и жить зря, стыдно за свой непонимающій, неглубокій умъ.“

Лучшимъ разсказомъ изъ „Хмурыхъ людей“, безъ сомнѣнія, является „Скучная исторія“ (изъ записокъ стараго человѣка). Въ этомъ разсказѣ тонко раскрывается исторія жизни стараго человѣка, не изъ простыхъ смертныхъ, а изъ людей видныхъ,—изъ людей, которые всегда заняты большимъ дѣломъ, передъ которыми привыкли благоговѣть и много говорить объ ихъ дѣятельности.

Герой „Скучной исторіи“ Николай Степановичъ—заслуженный профессоръ и тайный совѣтникъ. Сколько полезныхъ работниковъ для дорогого отечества приготовилъ Николай Степановичъ за тридцать лѣтъ своей профессорской дѣятельности! Какіе вклады онъ сдѣлалъ въ науку по своей спеціальности! Память о немъ не умретъ въ родномъ университетѣ.

Такъ, казалось бы, долженъ былъ разсуждать Николай Степановичъ. Но удивительное дѣло: его, наоборотъ, тяготитъ сознаніе безцѣльно и какъ-то формально прожитой жизни. За послѣднее время его мучитъ безсонница, и въ его воспоминаніи проходятъ одни только скучные дни,

одни безцвѣтные поступки, изъ которыхъ, собственно, и сложилась его жизнь. Ему до болѣзненности ясно представляются тѣ тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ машинально, изо дня въ день, ходилъ въ университетъ все по одной и той же дорогѣ, машинально читалъ молодежи лекціи, слушалъ одни и тѣ же слова отъ жены и дочери Лизы, машинально и предупредительно-вѣжливо бесѣдовалъ съ посѣщавшими его домъ профессорами-коллегами и молодыми докторантами. Вездѣ машинальность, ко всему формальное отношеніе. Одинъ живой человѣкъ былъ на его горизонтѣ—его воспитанница, дочь товарища окулиста, Катя. Она страстно искала живой жизни, и въ погонѣ за нею увлекается искусствомъ и дѣлается актрисой. Но скоро Катя убѣждается, что даже здѣсь, въ сферѣ святого искусства, нѣтъ жизни и искренности, а господствуетъ, какъ и вездѣ, холодный формализмъ,

Катя является для заслуженнаго профессора живымъ укоромъ въ мертво проведенной имъ жизни. Онъ долженъ былъ съ грустью сознаться какъ передъ ней, такъ и передъ самимъ собою, когда измученная въ конецъ Катя обратилась къ нему, какъ учителю, съ мольбою научить ее жить,—онъ долженъ былъ сознаться, что у него самого жизни не было, а была одна скучная исторія формальныхъ отношеній—одинаково къ мертвой и живой окружающей природѣ.

II.

Ключомъ къ болѣе ясному пониманію картины жизни, рисуемой въ произведеніяхъ Чехова, можетъ служить извѣстная повѣсть этого автора—„Палата № 6“. Авторъ „Хмурыхъ людей“ подводитъ здѣсь итогъ всѣмъ тѣмъ впечатлѣніямъ, какія онъ пережилъ до этого времени и которыя оставили глубокій слѣдъ въ его отзывчивой душѣ.

Внѣшней оболочкой, или, какъ говорятъ, реальнымъ образомъ, въ которомъ Чеховъ воплотилъ занимающую его идею, являются, съ одной стороны, Иванъ Дмитріевичъ Громовъ, страдающій маніей преслѣдованія и содержащійся въ больницѣ для умалишенныхъ, а съ другой—докторъ Андрей Ефимычъ Рагинъ.

Иванъ Дмитріевичъ Громовъ всегда отличался нѣкоторыми странностями. Движенія его отличались особенною порывистостью, онъ былъ рѣзокъ въ сужденіяхъ и за все, что приходилось ему дѣлать, брался съ горячею страстностью. Онъ не былъ баловникомъ судьбы. Отецъ его, геморроидальный чиновникъ, обращался съ нимъ нерѣдко очень жестоко; по смерти же его, Громову, учившемуся въ то время въ университетѣ, пришлось съ большимъ трудомъ добывать средства на пропитаніе себѣ и бѣдной старухѣ матери. Но Иванъ Дмитріевичъ съ мужествомъ выносилъ тяжесть жизни и, когда поступилъ служить въ провинціальный глухой городишко, то попрежнему оставался бойцомъ, понося открыто,

гдѣ только было возможно, несправедливость, косность людскую и ратуя за человѣческую личность.

Отзывчивый на все живое, Громовъ не могъ не замѣчать господствовавшаго вокругъ себя формализма. Его не разъ приводило въ ужасъ формальное отношеніе къ живой личности. Онъ приходилъ въ негодованіе отъ одной мысли, что благосостояніе личности часто зависитъ отъ соблюденія нѣкоторыхъ служебныхъ формальностей, за которыя должностнымъ лицамъ платятъ деньги. Судебныя ошибки, при такомъ отношеніи къ живой жизни, весьма легко допустимы.

Угнетаемый мало-по-малу формализмомъ, Громовъ легко переходитъ къ мысли, что и онъ можетъ, какъ лицо должностное (судебный приставъ), имѣющее частое столкновеніе съ людьми, попасть подъ судебную ошибку и понести незаслуженное наказаніе. Простая встрѣча съ арестантами доводитъ его до такого состоянія мнительности, что онъ на каждомъ шагу началъ подозрѣвать шпіоновъ и сыщиковъ и, въ концѣ концовъ, спасаясь отъ преслѣдующей его мысли, безъ шапки и сюртука побѣжалъ по улицѣ.

Въ результатѣ—домъ умалишенныхъ.

Но нельзя сказать, чтобы Громовъ былъ сумасшедшимъ въ исключительно патологическомъ смыслѣ. Онъ былъ „сумасшедшій и человѣкъ“,—какъ опредѣляетъ его самъ авторъ. „Когда онъ говоритъ,—повѣствуетъ Чеховъ,—вы узнаете въ немъ сумасшедшаго и человѣка...

Говоритъ онъ о человѣческой подлости, о насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какая со временемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ ему каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ. Получается безпорядочное, нескладное попури изъ старыхъ, но еще недопѣтыхъ пѣсенъ...“

Можетъ быть, Громовъ попалъ въ больницу по простой случайности, вслѣдствіе невѣжества докторовъ-спеціалистовъ, неспособныхъ отличить больного отъ здоровыхъ, а съ другой стороны—несовершенства науки, не принимающей въ расчетъ, при опредѣленіи психической анормальности, этическихъ началъ.

Критеріемъ въ данномъ случаѣ служатъ извѣстныя установившіяся формальныя отношенія въ жизни, опредѣленный бюрократизмъ. Нужно съ особенною внимательностью поддерживать такія отношенія, не нарушать ихъ.

Формальность въ жизни послужила къ тому, что люди стремятся бѣжать отъ живой жизни, устранять себя отъ коллизій съ дѣйствительными отношеніями. Отсюда—самоуглубленіе, искательство внутри себя разрѣшенія насущныхъ вопросовъ, „уразумѣніе“ сущности жизни. Все это ведетъ къ тому, что человѣкъ, нашедшій внутреннее успокоеніе, мало-по-малу становится рабомъ формальныхъ отношеній, бюрократизма и, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, оказывается непригоднымъ къ установившейся жизни, выбрасывается за ея бортъ.

Докторъ Андрей Ефимовичъ Рагинъ былъ, именно, такимъ человѣкомъ. Исторія Рагина по-

казываетъ, что манія преслѣдованія, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой она выразилась у Громова, не есть исключительно патологическое явленіе.

Докторъ Рагинъ съ дѣтства былъ баловнемъ судьбы. Его старались оберегать отъ дѣйствительности. И вотъ, когда онъ вступилъ въ жизнь въ качествѣ общественнаго дѣятеля, онъ постарался изолировать себя. У него сразу установились формальныя отношенія къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Всѣ неурядицы въ больницѣ не вызывали въ немъ протеста. Сначала онъ еще принималъ больныхъ—или, вѣрнѣе, ему казалось, что онъ принималъ ихъ,—но потомъ пересталъ даже дѣлать и это. Всѣ дѣла онъ сдалъ смотрителю и фельдшеру, а самъ углубился въ себя, зарылся въ книги и находилъ оправданіе своей лѣности въ томъ соображеніи, что мыслящій и вдумчивый человѣкъ при всякой обстановкѣ можетъ находить успокоеніе въ самомъ себѣ. „Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра—вотъ два блага, выше которыхъ не зналъ человѣкъ,“—говорилъ Андрей Ефимычъ.

Такую философію докторъ хотѣлъ навязать Громову, когда случайно столкнулся съ нимъ и тотъ произвелъ на него впечатлѣніе развитого, умнаго человѣка. Но философія доктора была злорадно высмѣяна Громовымъ. Онъ видѣлъ въ ней нечестное оправданіе животной жизни сибарита, незнакомаго съ дѣйствительностью, не испытавшаго на себѣ ея раздраженія, и потому

иикогда не реагировавшаго. Громовъ былъ въ водоворотѣ самыхъ живыхъ впечатлѣній, и его трудно убѣдить въ стоизмѣ. На философію Рагина отвѣчаетъ: „извините, я этого не понимаю. Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность.“

Громовъ расплачивается за свои убѣжденія, но онъ вѣритъ, что въ будущемъ восторжествуетъ правда. Теперь, пока мѣшаетъ этому бюрократизмъ жизни, поклонникомъ котораго является докторъ Рагинъ, Громовъ—сумасшедшій, но его сумасшествіе свойственно въ большей или меньшей степени всѣмъ живымъ людямъ, идущимъ наперекоръ формалистикѣ.

И въ этомъ пришлось убѣдиться самому доктору, какъ только онъ оставилъ свою скорлупу, находясь въ которой былъ такъ равнодушенъ ко всему, бодръ и здраво разсуждалъ. Стоило только жизни немного грубо до него коснуться, его начала „пробирать дѣйствительность“ и... Рагинъ попалъ подъ одну крышу съ Громовымъ.

III.

Въ произведеніяхъ позднѣйшаго времени Чеховъ продолжаетъ изображать различные эпизоды изъ жизни, исполненные того же холоднаго формализма, которому приносятся въ жертву настоящіе живые люди, какимъ былъ Иванъ Дмитріевичъ Громовъ.

Въ смыслѣ изображенія мертвой обстановки, въ которой приходится жить современному человѣку, заслуживаетъ особеннаго вниманія одна изъ послѣднихъ повѣстей Чехова—„Іонычъ".

Авторъ знакомитъ своихъ читателей съ талантливой и образованной семьей Туркиныхъ, которою гордится городъ С. С-скіе обыватели находили здѣсь развлеченіе и охотно шли сюда, потому что больше итти было некуда. А между тѣмъ семья Туркиныхъ, какъ поясняетъ Чеховъ, блистала „бездарностью".

Въ теченіе долгихъ лѣтъ постояннымъ гостямъ Туркиныхъ, несмѣнно каждый вечеръ, приходилось поочередно слушать романы собственнаго произведенія m-me Туркиной, услаждать свой слухъ музыкой съ особенными техническими пріемами m-lle Туркиной, смѣяться надъ анекдотами и разнаго рода побасенками самого хозяина дома и, наконецъ, въ прихожей, на прощаніи, смотрѣть краткую трагедію, изображаемую лакеемъ Туркиныхъ—Павой, который, поднимая руку вверхъ, произноситъ трагическимъ голосомъ два слова: „умри, несчастная!"

Естественно, что такая обстановка рано или поздно убьетъ въ человѣкѣ способность къ живымъ движеніямъ и обратитъ въ бездушнаго формалиста. Такъ это и было съ героемъ повѣсти, докторомъ Дмитріемъ Іонычемъ Старцевымъ, впослѣдствіи—просто „Іонычемъ“. Сначала онъ горячился, кричалъ объ идеалахъ, но скоро убѣдился, что въ городѣ С. больше всѣхъ имѣетъ успѣхъ Иванъ Петровичъ Туркинъ. Онъ скоро перемѣнилъ свой образъ дѣйствій: когда его приглашали въ гости, онъ молчалъ въ теченіе всего вечера, сосредоточенно глядя въ тарелку. За это его прозвали „полякомъ надутымъ“, которымъ онъ никогда не былъ. Докторъ Старцевъ, по заведенной привычкѣ, каждый день дѣлалъ визиты, и единственнымъ удовольствіемъ и интересомъ для него было—вынимать каждый вечеръ изъ кармановъ желтыя и зеленыя бумажки, которыхъ иногда было понапихано въ карманахъ рублей до семидесяти, и когда ихъ собиралось нѣсколько сотъ—отвозить въ „общество взаимнаго кредита“, гдѣ онъ имѣлъ текущій счетъ.

И Старцевъ не представляетъ собою случайнаго явленія. Участи Іоныча подвергается большинство интеллигентовъ, молодыхъ силъ, страстнымъ увлеченіямъ и искреннимъ порывамъ которыхъ къ свѣтлымъ идеаламъ такъ вѣришь, пока они пребываютъ въ стѣнахъ „храма науки“. Вѣра въ нихъ настолько глубока, что, наталкиваясь на метаморфозу, разводишь руками и остаешься въ недоумѣніи. И сами молодые Старцевы, захваченные формализмомъ жизни, мучатся первое время, стараются объяснить себѣ свое паде-

ніе, а, въ концѣ концовъ, складываютъ руки передъ неотразимостью судьбы.

Интересную психологію въ этомъ смыслѣ даетъ разсказъ Чехова „По дѣламъ службы“.

Молодой докторъ и судебный слѣдователь пріѣзжаютъ въ деревню на слѣдствіе о самоубійствѣ молодого земскаго страхового агента Лѣсницкаго. Пріѣзжаютъ они ночью, и потому слѣдствіе откладывается до утра. Докторъ ѣдетъ къ знакомому сосѣднему помѣщику, а слѣдователь Лыжинъ рѣшилъ заночевать въ земской квартирѣ, гдѣ находился трупъ самоубійцы. У Лыжина завязывается разговоръ съ сотскимъ Лошадинымъ, который начинаетъ жаловаться на „несладность“ въ жизни. Онъ тридцать лѣтъ, по его словамъ, ходитъ „по формѣ“: у него только и дѣла, что разносить пакеты, повѣстки, письма, бланки разные, вѣдомости и т. п. Онъ сознаетъ, что все это лишнее въ жизни, и дѣлаетъ лишь потому, что того требуетъ „форма“.

Разговоръ съ сотскимъ наводитъ Лыжина на размышленіе: „какъ все это,—думаетъ онъ,—и мятель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ,—какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ или гдѣ-нибудь подъ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ было бы это интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же за тысячу верстъ отъ Москвы, все это

какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только „по формѣ“, какъ говоритъ сотскій Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда, и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ деревни.“

Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое объясненіе, почему молодежь, отзывчивая на все свѣтлое, при столкновеніи съ дѣйствительностью, слагаетъ руки. Исключительно умственныя занятія, шумная обстановка университетской жизни, увлекаютъ молодого человѣка въ сферу пылкой фантазіи, уносятъ въ міръ смѣлыхъ комбинацій, широкихъ обобщеній ума. Другая сторона жизни, ея проза, не обращаетъ въ это время на себя вниманія. Естественно, что, поставленный лицомъ къ лицу съ мелкими фактами дѣйствительности, человѣкъ, жившій до этого исключительно захватывающими умственными интересами, продолжаетъ на первыхъ порахъ рисовать одну другой заманчивѣе перспективы. Но мелочи жизни мало-по-малу начинаютъ приближаться къ нему, начинаютъ „пробирать“ его, и онъ, привыкшій къ довольству, бѣжитъ отъ нихъ.

И раньше на Лыжина находило раздумье о тягости жизни для такихъ людей, какъ самоубійца Лѣсницкій или сотскій Лошадинъ, но такая мысль всегда стояла позади другихъ мыслей „и мелькала робко, какъ огонекъ въ туманную погоду.“ Тогда, въ водоворотѣ умственной жизни, сообщающей всему особенный интересъ, Лыжину некогда было подробнѣе остановиться

на отношеніи людей довольныхъ къ обездоленнымъ; теперь онъ начинаетъ чувствовать, что къ обездоленнымъ людямъ у него устанавливаются чисто формальныя отношенія. „Все это не жизнь,—думаетъ онъ,—не люди, а существующее только „по формѣ“... Все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда, и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ деревни.“

Тревожныя мысли прерываются появленіемъ доктора, который приглашаетъ Лыжина къ сосѣднему помѣщику Тауницу. Здѣсь молодые люди весело проводятъ время и на слѣдствіе являются только на слѣдующій день.

Пройдетъ немного лѣтъ, и окружающая обстановка не въ состояніи будетъ вызвать даже мимолетнаго раздумья. Лыжинъ превратится въ Старцева, совершенно изолировавшагося отъ живой жизни и создавшаго себѣ особый интересъ въ раскладываніи и подсчитываніи кредитныхъ бумажекъ, собранныхъ во время визитовъ.

Боязнь оставить уютную скорлупу доходитъ въ наше время до крайнихъ предѣловъ. Люди оберегаютъ себя отъ дѣйствительности „футлярами“.

Въ разсказѣ Чехова „Человѣкъ въ футлярѣ“ рисуется человѣкъ, въ которомъ „формализмъ“ развитъ до такихъ предѣловъ, какіе только можно себѣ представить. Герой разсказа, учитель гимназіи Бѣликовъ, представляетъ типъ крайней замкнутости. Онъ не только всѣ свои вещи держитъ въ футлярахъ, но и мысли. Всѣ его по-

ступки опредѣлялись циркулярами, отъ которыхъ онъ не смѣлъ отступить ни на іоту. При этомъ его безпокоила неопредѣленность въ циркулярахъ: ему чувствовалось не по себѣ, какъ только онъ встрѣчалъ въ циркулярахъ нѣкоторую условность, допущеніе исключенія изъ общаго. Всякій разъ, когда окружающіе пытались воспользоваться такимъ исключеніемъ, онъ неизмѣнно произносилъ: „оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.“

Бѣликовъ поддерживалъ, какъ ему казалось, дружественныя отношенія съ товарищами, но, при посѣщеніи кого-нибудь изъ нихъ, онъ все время молчалъ. Лишнее слово могло выдать Бѣликова, нарушить его покой.

Единственная попытка оставить свой футляръ приводитъ его къ гибельному концу. Исторія съ Коваленками—братомъ, учителемъ исторіи и географіи, и сестрой Варенькой, на которую Бѣликовъ имѣлъ нѣкоторые виды, окончилась такъ неудачно, что Бѣликовъ слегъ въ постель, съ которой больше не всталъ.

Такимъ образомъ городъ даже для людей, подобныхъ Бѣликову, представляетъ нѣкоторый соблазнъ. Нужно упрятать себя въ глушь, чтобы шумъ жизни не достигалъ ушей.

Братъ ветеринарнаго врача Ивана Ивановича въ разсказѣ Чехова „Крыжовникъ“ мученическимъ трудомъ добивается своего переселенія изъ города въ деревню. Будучи чиновникомъ, онъ отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ

и сколачиваетъ деньги для покупки небольшого клочка земли. Но зато какъ онъ счастливъ въ своемъ собственномъ углѣ: онъ съ какимъ-то животнымъ удовольствіемъ угощаетъ себя и своихъ немногихъ гостей крыжовникомъ, который былъ почему-то завѣтной мечтой, idée-fixe Николая. Тутъ уже полная изолированность отъ живыхъ впечатлѣній, здѣсь не можетъ быть рѣчи даже о „формализмѣ“. Въ лицѣ Николая торжествуетъ спокойное равнодушіе древняго мудреца Діогена.

Воцарившійся въ жизни формализмъ заглушилъ въ людяхъ голосъ чувства. Въ наше время особенно часты браки „по формѣ“. Повидимому, здѣсь—въ семьѣ—люди ближе, чѣмъ въ какой-либо другой области жизни, стоятъ другъ къ другу, отношенія между ними должны быть болѣе живыми, а между тѣмъ отсутствіе нравственной связи между супругами составляетъ характерную черту современной семьи. Живутъ люди годы подъ одной кровлей и совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. Подражая другимъ, воспитываютъ они дѣтей, ходятъ въ гости, къ себѣ принимаютъ, но во всемъ этомъ нѣтъ жизни, а есть только „форма“.

Приходится задумываться надъ вопросомъ, который ставилъ себѣ Алехинъ, герой разсказа Чехова „Любовь“. Онъ встрѣтилъ семью Луганновичей, состоявшую изъ чуждыхъ совершенно другъ другу мужа и жены. Прокуроръ Луганновичъ—формалистъ до мозга костей: онъ разсуждаетъ съ такимъ скучнымъ здравомысліемъ,

на балахъ и вечеринкахъ держится около солидныхъ людей, вялый, ненужный, съ покорнымъ, безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавать.“ И за такого скучнаго человѣка—почти за старика—выходитъ молодая, красивая и умная женщина. Разумѣется, чувство Анны Алексѣевны Лугановичъ глухо къ мужу. Между такими людьми, хотя и связанными брачными узами, не можетъ быть искренности. Но мало того, что Лугановичъ холодна къ мужу: ея чувство вообще притуплено формальными отношеніями, извращено разнаго рода условностями. Вспомнимъ, напримѣръ, Анну Каренину. Эта открытая, честная женщина не задумывается изъ-за любви оставить семью, бросить дѣтей, лишь бы не породить ложныхъ отношеній къ семьѣ.

Анна Алексѣевна поддерживаетъ ложь не только въ отношеніяхъ къ мужу,—она не осмѣливается открыть своего чувства Алехину, любимому ею человѣку. А этотъ въ свою очередь таитъ про себя любовь къ Аннѣ Алексѣевнѣ.

Открытыхъ, прямыхъ дѣйствій наше время не любитъ. Къ человѣку стараются подходить окольными путями. Всѣ объ этомъ знаютъ, но молча сносятъ, потому что иначе сочли бы смѣльчака за нарушителя установившихся въ обществѣ отношеній, а тамъ, чего добраго, можетъ повториться исторія, пережитая Андреемъ Ефимычемъ Рагинымъ.

И вотъ въ такой-то мертвой средѣ погибаютъ молодыя силы только потому, что онѣ ищутъ живой поддержки, искренняго слова, а вмѣсто

этого встрѣчаютъ, подъ маской притворной сентиментальности, холодное равнодушіе. Страшно становится, когда подумаешь, что вокругъ тебя нѣтъ человѣка, которому ты могъ бы открыть свою живую душу. И, вѣдь, какъ это отчаянное чувство гибельно отражается на человѣкѣ. Помимо своей воли, самовнушаешь себѣ мысль вести себя съ человѣкомъ ложно, не говорить ему того, что чувствуешь, относиться къ нему съ формализмомъ, лишь бы только скорѣе отдѣлаться отъ него. Часто приходится ловить себя на недостойной мысли, порицать свое ложное поведеніе. Однако при новой встрѣчѣ, опять выставляешь себя не тѣмъ, что ты есть на самомъ дѣлѣ. Каждый не довѣряетъ другъ другу, и на этой почвѣ развилась до такихъ грандіозныхъ размѣровъ ложь въ жизни.

А между тѣмъ, иногда одно живое слово дѣйствуетъ на больного современнаго человѣка—читай, измученнаго физически и нравственно — дѣйствительнѣе самыхъ цѣлебныхъ лѣкарствъ, самыхъ искусныхъ въ медицинскомъ мірѣ врачей.

Ординаторъ знаменитаго профессора, Ковалевъ, въ разсказѣ „Случай изъ практики“ такъ привыкъ къ формальному отношенію къ своимъ паціентамъ, что онъ, при посѣщеніи больного, забывалъ, что передъ нимъ лежалъ человѣкъ, а не мертвый объектъ, который онъ изслѣдуетъ съ извѣстной точки зрѣнія. Съ такимъ именно визитомъ онъ явился къ извѣстной фабрикантшѣ Ляликовой, у которой болѣла дочь. Ее много

лѣчило докторовъ, но лучше не было. Она таяла день ото дня. Королевъ видѣлъ, что организмъ Лизы не имѣлъ какихъ-нибудь патологическихъ дефектовъ, а просто-на-просто онъ страдалъ отъ нервнаго переутомленія. О, это такая распространенная болѣзнь, что на нее мало обращается вниманія! Нервная система настолько сложный и причудливый органъ, что разстройство его можетъ зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Королеву больше, чѣмъ кому-либо другому, извѣстно такое обстоятельство, и онъ отнесся бы, можетъ быть, къ настоящему своему пацієнту по обыденной „формѣ“, если бы его вниманіе случайно не остановилось на окружающей обстановкѣ. Жутко отозвались въ душѣ Королева бездушные, однообразные стоны фабричныхъ машинъ: онъ чувствовалъ, что фабрика давитъ его колоссальностью своихъ корпусовъ, внутри которыхъ кишатъ маленькія существа. Королевъ впалъ въ раздумье о безполезности всего окружающаго. Онъ зналъ, что находящимся внутри громадныхъ корпусовъ тяжело живется, немного счастья и для тѣхъ, кто пользуется плодами громаднаго колосса. Онъ видѣлъ, что въ семьѣ Ляликовой чувствуетъ себя удовлетворенной лишь гувернантка Христина.

Эти мысли переносятъ Королева къ Лизѣ. Ему мало-по-малу становится ясной болѣзнь бѣдной дѣвушки. И онъ не ошибся въ своихъ догадкахъ, когда въ откровенной бесѣдѣ съ Лизой услышалъ отъ нея самой объясненіе своей болѣзни. Лиза была одинока: она много читала, но однѣхъ книгъ мало, нужно общеніе съ людьми

—живыми, а не бездушными манекенами. Въ ней развитъ мистицизмъ, вѣра въ дьявола. „У меня не болѣзнь,—объясняетъ Лиза Королеву,—а безпокоюсь я, и мнѣ страшно, потому что такъ должно, иначе быть не можетъ. Даже самый здоровый человѣкъ не можетъ не безпокоиться, если у него, напримѣръ, ходитъ подъ окномъ разбойникъ.“ Относительно лѣченія она заявляетъ: „я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лѣченія, но мнѣ хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, который бы понялъ меня, убѣдилъ бы меня, что я права или не права.“

Какъ просто и законно, казалось бы, желаніе Лизы Ляликовой, какъ и большинства изъ насъ! Однако, при существующемъ „формализмѣ“ въ жизни, мы лишены возможности удовлетворить это скромное желаніе.

Мрачная картина, рисуемая намъ Чеховымъ, въ состояніи была бы подавить въ насъ всякую охоту къ жизни, если бы чуткая душа художника не обѣщала въ будущемъ болѣе свѣтлой жизни. Мы готовы ежеминутно восклицать съ Иваномъ Ивановичемъ: „нѣтъ, больше жить такъ невозможно!“ но въ то же время не можемъ не согласиться съ ординаторомъ Королевымъ, что „для нашихъ дѣтей и внуковъ вопросъ о томъ,—правы они или нѣтъ,—будетъ разрѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ...“

Максимъ Горькій.

I.

На долю немногихъ выпадаетъ такой успѣхъ, какимъ пользуется въ наше время М. Горькій. Молодой писатель появился въ русской литературѣ какъ-то незамѣтно и быстро успѣлъ занять почетное мѣсто среди русскихъ беллетристовъ.

По характеру и содержанію своего творчества М. Горькій ближе всего стоитъ къ Короленку. Герои произведеній того и другого имѣютъ родственную связь и по своему внутреннему укладу принадлежатъ къ одному и тому же типу. Впрочемъ, нельзя забывать разницы въ художественномъ изображеніи этого типа обоими названными писателями,—разницы, обусловленной положеніемъ Короленка и М. Горькаго относительно тѣхъ живыхъ людей, которые дали имъ матеріалъ для художественныхъ образовъ. При чтеніи произведеній М. Горькаго чувствуется, что между авторомъ и героями существуютъ болѣе близкія отношенія сравнительно съ отношеніями, существующими между Короленкомъ и его героями.

Изъ этюда о Короленкѣ мы помнимъ, что Соколинецъ открылъ свою душу передъ Короленкомъ только при исключительныхъ условіяхъ, какъ бы въ благодарность за сердечное отношеніе къ нему со стороны автора, за пріютъ въ юртѣ отъ непогоды. При другихъ условіяхъ тотъ же Соколинецъ рисуется Короленку въ образѣ Ивана тридцати лѣтъ, человѣка недовѣрчиваго къ окружающимъ, съ откровенной грубостью сторонящагося отъ разспросовъ автора. Въ другомъ мѣстѣ, именно, въ разсказѣ о встрѣчахъ и знакомствѣ своемъ съ сапожникомъ Андреемъ Ивановичемъ, Короленко самъ подчеркиваетъ отчужденность между нимъ и новымъ знакомымъ. Говоря о впечатлѣніи, произведенномъ на Андрея Ивановича разсказомъ объ исцѣленіи дѣвушки, у которой были отняты ноги съ тринадцати лѣтъ, Короленко замѣчаетъ: „онъ невольно поддавался настроенію вѣры, чудесъ и непосредственнаго общенія съ таинственными силами природы... Между тѣмъ во мнѣ онъ съ обычною чуткостью нервныхъ людей улавливаетъ совершенно другое умственное настроеніе, но менѣе безповоротное.“

Какъ „книжный человѣкъ“,—такъ рекомендуетъ себя авторъ при сравненіи самого себя съ героями,—Короленко несвободенъ отъ разсужденія по поводу наблюденныхъ имъ явленій и въ его изображеніи наблюденнаго меньше непосредственности, чѣмъ въ изображеніи М. Горькаго.

Типы Короленка, можетъ быть, созданы по тѣмъ же людямъ, которые встрѣчались въ жизни

и М. Горькому. Однако послѣдній писалъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ его предшественникъ. Герои Короленка блѣдные, потому что они менѣе знакомы автору, болѣе загадочны, чѣмъ М. Горькому его герои. М. Горькій случайностями жизни былъ поставленъ настолько близко съ тѣми, кто далъ богатый матеріалъ для его творчества, что послѣдніе считали его своимъ человѣкомъ. Они дѣлились съ нимъ своими думами, не мѣшали ему заглядывать за кулисы своей жизни, и эта жизнь полюбилась ему, сдѣлалась его собственною жизнью. Только поэтому творчество М. Горькаго проникнуто такою страстностью, только поэтому жизнь голытьбы рисуется ему въ такихъ радужныхъ краскахъ, герои его надѣлены такимъ глубокимъ чувствомъ.

Въ первое время даже не довѣряли искренности молодого художника. И это понятно. Босякъ, котораго такъ любовно изображаетъ М. Горькій въ своихъ произведеніяхъ, теряется за массою окружающихъ обыденнаго наблюдателя впечатлѣній. Послѣдній привыкъ видѣть босяка въ слишкомъ прозаической обстановкѣ, когда тотъ, въ погонѣ за насущнымъ кускомъ хлѣба, занятъ грязнымъ дѣломъ, чинитъ зачастую безобразные поступки, вообще выступаетъ передъ нами въ непривлекательномъ видѣ. При данныхъ условіяхъ обыденный наблюдатель легко могъ просмотрѣть то, что подмѣтилъ въ босякѣ М. Горькій.

Въ изображеніи Короленка, одареннаго большею, безъ сомнѣнія, наблюдательностью въ сра-

вненіи съ обыденнымъ наблюдателемъ и кромѣ того—способностью художественнаго воспроизведенія, босякъ или вообще человѣкъ того же порядка разнится, конечно, отъ живого босяка, какимъ мы привыкли видѣть его въ обыденной для него обстановкѣ. Все же Короленко не могъ, вслѣдствіе отчужденности отъ изображаемаго типа, дать яркаго образа этого послѣдняго. Съ одной стороны, тѣ, кто служили ему натурщиками, были ему чужими и не открывались вполнѣ, со всею откровенностью; съ другой стороны, онъ и самъ подходилъ къ нимъ съ нѣкоторою предвзятостью—разгадать загадочность ихъ внутренняго міра. Въ произведеніяхъ Короленка довольно часто встрѣчаются разсужденія въ этомъ, именно, смыслѣ. Какъ бы то ни было, Короленко писалъ со стороны.

Наоборотъ, М. Горькій сжился съ міромъ босяковъ. Въ его изображеніи послѣднихъ больше непосредственности, чѣмъ у Короленка, больше родного: онъ больше изображаетъ, чѣмъ разсуждаетъ.

М. Горькому приходилось наблюдать босяка въ разные моменты его жизни; онъ видѣлъ его не только въ грязной обстановкѣ придавленнымъ житейскими мелочами, но и свободнымъ отъ путъ пошлой прозы, въ его поэтическомъ, такъ сказать, настроеніи.

Для своего творчества М. Горькій пользовался, именно, послѣдними моментами. Естественно, что выхваченный изъ жизни въ своемъ поэтическомъ настроеніи и представленный въ ма-

стерски изображенной обстановкѣ, босякъ М. Горькаго производитъ на первыхъ порахъ совершенно новое впечатлѣніе, далеко разнящееся отъ того, какое успѣлъ закрѣпить въ своей душѣ обыденный наблюдатель по собственному опыту, а равно—по опыту окружающихъ, которымъ онъ привыкъ вѣрить.

Но, вѣдь, въ этомъ-то и могучая сила искусства. Художникъ помогаетъ обыденному человѣку на время освободиться отъ житейскихъ мелочей, которыя давятъ его какъ кошмаръ и мѣшаютъ видѣть окружающее съ той стороны, съ какой оно имѣетъ иной, неизвѣстный ему видъ. Въ такомъ художественномъ изображеніи часто возбуждаютъ симпатіи тѣ явленія, къ которымъ въ прозаическомъ существованіи ихъ вы были совершенно безразличны,—а то и того хуже,—которыя вызывали въ васъ чувство отвращенія.

II.

Герои произведеній М. Горькаго вызываютъ въ читателѣ какое то смѣшанное чувство удивленія передъ ихъ силой и въ то же время сожалѣнія, какой то досадной неудовлетворенности отъ ихъ безсилія умѣло пользоваться своей силой. Сила М. Горькаго—въ томъ, что они легко, безъ всякихъ колебаній, могутъ порывать привязанности къ мѣсту, къ окружающимъ людямъ, въ среду которыхъ ихъ поставила жизнь. Подоб-

ныя привязанности налагаютъ обыкновенно на человѣка крѣпкія цѣпи, связывающія свободу его дѣйствій. Изъ-за привязанностей человѣкъ часто поступается своей свободой, свыкается съ разнаго рода уступками жизни—сначала маленькими, а затѣмъ и большими. Это—такъ называемые компромиссы, ложь передъ самимъ собою. Босяки Горькаго откровенны, никогда не лгутъ себѣ. Ихъ тяготитъ міръ привязанностей, и они бѣгутъ отсюда на просторъ, предпочитая жить впроголодь и впрохолодь, чѣмъ жить въ теплѣ и сытомъ довольствѣ, но безъ свободы.

Остановимся на нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ въ этомъ отношеніи, персонажахъ М. Горькаго.

Вотъ передъ нами босякъ Челкашъ изъ разсказа того же имени, пробивающійся около гавани и совершающій рискованныя кражи.

Что толкало этого человѣка на такой опасный путь, когда онъ могъ бы быть образцовымъ хозяиномъ въ деревнѣ, гдѣ ему улыбалось счастье?

При встрѣчѣ съ деревенскимъ парнемъ Гаврилой, истымъ сыномъ деревни, въ головѣ Челкаша проносятся цѣлыми рядами воспоминанія о томъ времени, когда онъ былъ то баловнемъ ребенкомъ, то женихомъ черноглазой Анфисы, то возвратившимся изъ солдатъ бравымъ молодцомъ, которымъ такъ гордился его отецъ. Онъ не чета Гаврилѣ, этому жалкому попрошайкѣ, изъ-за гроша готоваго на всякое униженіе. Но

Гаврила счастливъ, доволенъ своей жизнью и такъ привязанъ къ землѣ, что на ней сосредоточены всѣ его мысли. Онъ встрѣчается съ Челкашемъ въ то время, когда послѣдній собирался на крупное воровство. Челкашъ приглашаетъ Гаврилу, возвращавшагося съ неудавшихся для него заработковъ, въ товарищи, скрывъ отъ него, на какое ведетъ его дѣло. Дѣло удается: подъ бдительнымъ окомъ таможенной стражи, съ ележивымъ отъ страху Гаврилой, узнавшимъ, наконецъ, про зазорное дѣло, Челкашъ привозитъ на берегъ цѣнный тюкъ, который сейчасъ же и продаетъ за большія деньги.

Гаврило весь сказался въ этомъ дѣлѣ. Онъ дрожалъ отъ страху не потому, что узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а у него были крѣпкія привязанности къ деревнѣ, онъ боялся лишиться того счастья, какое сулила ему женитьба на богатой дѣвушкѣ. Что Гаврила нисколько не смущался своимъ участіемъ въ воровствѣ съ Челкашемъ, пропащимъ, по его убѣжденію, человѣкомъ, видно изъ того, что онъ не убѣжалъ отъ Челкаша сейчасъ же, какъ только высадился на берегъ, а остался около него, около денегъ, выказавши въ этомъ всю свою жадность.

Зато сколько геройства въ Челкашѣ! Этотъ человѣкъ, который, можетъ быть, ничего не ѣлъ передъ тѣмъ, отдаетъ всѣ добытыя деньги Гаврилѣ, когда тотъ сталъ жаловаться на нужды въ деревнѣ, на „властную“ кормилицу землю, требующую неустаннаго ухода и большихъ затратъ: проволочки и недостатка она не терпитъ.

Правда, постыдное попрошайничество Гаврилы, крайнее умаленіе собственной личности возмущали гордость босяка-вора, вызывали у него грубыя ругательства,—все же онъ уступилъ, въ концѣ концовъ, просьбамъ Гаврилы—въ память, можетъ быть, того времени, которое онъ прожилъ въ деревнѣ.

Черствый по первому виду человѣкъ, Челкашъ въ дѣйствительности способенъ былъ на самые трогательные поступки.

Когда Гаврила получилъ деньги, онъ, не помня себя отъ радости, признается Челкашу, что хотѣлъ его изъ-за денегъ убить на морѣ. Челкашъ возмутился такимъ признаніемъ и отнялъ деньги у Гаврилы. Потерявъ крупную добычу, деревенскій парень доходитъ до исступленія и пробиваетъ камнемъ голову Челкашу. И вотъ теперь, послѣ такого остервенѣнія деревенскаго дикаря, босякъ прощаетъ Гаврилу и возвращаетъ ему вновь отнятые деньги.

Такой человѣкъ какъ Челкашъ могъ бы быть виднымъ мужикомъ въ деревнѣ. А онъ бросаетъ ее и предпочитаетъ ходить въ лохмотьяхъ и ѣсть не каждый день,—и бросаетъ потому, что не терпитъ цѣпей привязанности, „власти земли“, порабощающей человѣка. Онъ видитъ хорошо ея силу на Гаврилѣ, потерявшемъ обликъ человѣческій.

Челкашъ—натура художественная; онъ способенъ увлекаться красотой, его душа скрываетъ поэтическую искру. „Онъ, воръ и циникъ, лю-

билъ море. Его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайней, свободной и мощной... На морѣ въ немъ всегда поднималось широкое, теплое чувство, охватывавшее всю его душу и немного очищавшее ее отъ житейской скверны. Онъ цѣнилъ это и любилъ видѣть себя лучшимъ тутъ среди воды и воздуха, гдѣ думы о жизни и сама жизнь теряютъ—первыя—остроту, вторая—цѣну.“ Челкашъ имѣлъ отъ природы органическое чутье къ красотѣ, къ ея безконечной всеобъемлемости; сюда, ближе къ величественной природѣ, тянуло его, и въ душѣ его зарождалось безпокойство, тягость отъ щемящихъ сердце мелкихъ интересовъ деревенской жизни съ ея землей, землей и землей на каждомъ шагу. Какое чувство вызываетъ, напримѣръ, въ Гаврилѣ безконечное море!? Для него ничего другого не существуетъ, кромѣ земли, и онъ о морѣ только и могъ сказать: „ничего! только боязно въ немъ.“

Герои М. Горькаго вообще любятъ непосредственное общеніе съ природой. Она привлекаетъ ихъ своимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, гордымъ величіемъ. За природой они часто забываютъ человѣка. Василій Легостевъ изъ разсказа „Мальва“, караульщикъ на косѣ, представлявшей собою передовой постъ рыбныхъ промысловъ купца Гребеньщикова, ошибался въ своей увѣренности, что молодая, красивая и здоровая Мальва любитъ его и часто навѣщаетъ его на косѣ. Мальва любила не Василія, а природу, ту самую косу, гдѣ находилась караулка Легостева.

Ей нравился этотъ небольшой кусокъ земли, брошенный гдѣ-то среди бездны водъ и удаленный отъ людей съ ихъ мелкими дрязгами. Послѣ бурной сцены между Василіемъ и Мальвой изъ-за сына перваго, Якова, послѣдняя откровенно высказывается передъ своимъ любовникомъ, „Ты Сережкѣ (босяку на промыслахъ) бахвалился, что я безъ тебя, какъ безъ хлѣба, и жить не могу! Напрасно ты это... Можетъ, я не тебя люблю и не къ тебѣ хожу, а люблю я только мѣсто это...—она широко повела рукой вокругъ себя.—Можетъ, мнѣ то нравится, что здѣсь пусто—море да небо и никакихъ подлыхъ людей нѣтъ. А что ты тутъ—это все равно мнѣ... Это въ родѣ платы за мѣсто... Сережка былъ бы—къ нему бы я ходила, сынъ твой будетъ—къ нему пойду... А еще лучше, кабы васъ вовсе никого не было... обрыдли вы мнѣ!..“

И Мальва, дѣйствительно, начала жить съ Сережкой, когда Василій Легостевъ, послѣ бурныхъ сценъ съ сыномъ изъ-за Мальвы, уѣзжаетъ домой въ деревню, а Сережка получаетъ мѣсто караульщика на косѣ.

О герояхъ М. Горькаго можно сказать, что они дѣти природы, и потому изъ душной обстановки слишкомъ прозаической жизни рвутся на свободу, къ ней—своей матери. Здѣсь на лонѣ природы, всегда въ приподнятомъ настроеніи, герои М. Горькаго освобождаются отъ назойливыхъ, обезсиливающихъ человѣка мелочей повседневной жизни, становятся выше и лучше самихъ себя въ обыденной жизни. Изображая въ

разсказѣ „Старуха Изергиль“ настроеніе, какое пережилъ М. Горькій подъ Аккерманомъ, въ Бессарабіи, на морскомъ берегу въ тотъ вечеръ, когда онъ слушалъ чудные разсказы отъ старухи Изергиль, авторъ отъ лица своихъ героевъ восторженно говоритъ: „я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пыль и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ; хотѣлось разлиться теплой рѣкой по степи, вливаться въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ; хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ...“

Сколь разнообразныя впечатлѣнія пережила старуха Изергиль, сколько у нея было привязанностей, и она, выросшая на лонѣ природы, всегда выходила побѣдительницей, свободно и безъ сожалѣнія порывая эти привязанности, когда замѣчала, что онѣ посягаютъ на ея свободу пользоваться жизнью. Многіе ее любили и она многихъ любила, но особенною любовью она пылала къ поляку Аркадэку—уже въ то время, когда, по ея признанію, ей было, пожалуй, „четыре десятка лѣтъ.“ Съ рискомъ для жизни освободила она своего Аркадэка изъ плѣна русскихъ, но когда онъ въ благодарность за свое освобожденіе позволилъ съ улыбкой и притворнымъ паѳосомъ, становясь на колѣни, разыгрывать передъ ней страстнаго любовника, Изергиль дала пинка ему ногой... и эта любовь ея была послѣдней. Она угомонилась и уже третій десятокъ лѣтъ живетъ среди молдаванъ, подъ Аккерманомъ, въ Бессарабіи. Молдаванская молодежь напоминаетъ ей ея молодость, и теперь, на по-

рогѣ смерти, старуха Изергиль, окруженная молодою жизнью и чудной природой, молодо восклицаетъ: „мы любимъ пѣть. И красивы мы всѣ. Только красавцы могутъ хорошо пѣть, красавцы, которые любятъ жить. Мы любимъ жить. Смотрика, развѣ не устали за день тѣ, которые поютъ тамъ? Съ восхода по закатъ работали (сбирали виноградъ), взошла луна, и уже поютъ. Тѣ, которые не умѣютъ жить, легли бы спать уже. Тѣ, которымъ жизнь мила и которые дорожатъ ею, вотъ—поютъ.“

И съ Изергиль согласны всѣ босяки! Они любятъ кипучую жизнь, жизнь безъ отдохновенія, такъ сказать, отъ впечатлѣній. Они не любятъ спать, не любятъ усыпляющаго однообразія окружающей жизни.

Посмотрите вы на Гришку Орлова изъ разсказа М. Горькаго „Супруги Орловы“. Гришка—сапожникъ, имѣетъ красивую и любящую его жену. Въ чемъ проходитъ у него жизнь? Въ проявленіи раздраженія къ окружающему. Онъ раздраженъ на свою яму (и жизнь—„яма“, объясняетъ онъ потомъ), въ которой живетъ и не видитъ никогда солнца; раздраженъ на свое сапожничье мастерство, которое ничего ему другого не даетъ, кромѣ насущнаго куска хлѣба. Его живая натура ищетъ жизни, ищетъ такихъ впечатлѣній, которыя захватывали бы его всего и не оставляли въ душѣ ни одного мѣстечка, гдѣ могла бы найти себѣ пріютъ томящая скука. И вотъ, не находя такого дѣла и такихъ захватывающихъ впечатлѣній, Гришка пьетъ на пропа-

лую и бьетъ ни въ чемъ неповинную Матрену, любящую своего непутнаго мужа и страстно желавшую для него успокоенія и подходящаго для его бурной натуры дѣла.

И на минуту счастье ей какъ будто улыбнулось. Орловыхъ выручилъ жизнерадостный, веселый студентъ—санитаръ. Въ то время была холера, и санитары ходили по грязнымъ угламъ, чтобы давать возможные совѣты темному люду и хотя до нѣкоторой степени парализовать дѣйствія страшно-губительнаго бича. Гришка Орловъ, одинъ изъ всѣхъ обитателей дома купца Петунникова, относился безъ всякаго подозрѣнія къ дѣйствіямъ весельчака-студента и безбоязно помогалъ ему, когда холера „забрала“ гармониста Кислякова, съ которымъ Гришка не разъ вмѣстѣ заливалъ тоску въ кабакѣ.

По рекомендаціи весельчака-студента Гришка поступаетъ служителемъ въ холерный баракъ. На первыхъ порахъ жизнь барака захватила Гришку и онъ былъ доволенъ сознаніемъ пользы, какую приносилъ страждущимъ. Матрена служила въ той же больницѣ. Они, въ свободные часы, пили вмѣстѣ чай, и послѣ первыхъ новыхъ впечатлѣній молодые супруги заносились далеко мечтою, рисовали себѣ жизнь, полную радостей.

Но приподнятое состояніе Гришки Орлова продолжалось недолго. Онъ скоро охладѣлъ къ своему дѣлу. Въ немъ опять завозился червь безпокойства. Онъ завидуетъ окружающимъ, которые умѣютъ „жалѣть“ больныхъ и радоваться

ихъ выздоровленію. Онъ тоже хотѣлъ бы порадоваться, но не можетъ, потому что ему непонятно, „чему радоваться, коли человѣкъ выздоровѣлъ? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правдѣ.“ Мало-по-малу хандра Орлова развилась, и дѣло потеряло для него всякій интересъ: оно казалось ему слишкомъ маленькимъ. Его душа искала геройскаго поступка: „Горитъ у меня душа,—признается Гришка женѣ...—Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эх-ма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! То-есть, если бъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: „Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры.“ Больше ничего не надо.“

Недовольный самимъ собою, Гришка Орловъ сталъ вызывающе относиться къ женѣ, и вскорѣ между ними наступилъ полный разрывъ. Матрена устроилась, на удивленіе, учительницей въ сапожной и башмачной мастерской при ремесленной школѣ, Гришка же вступилъ въ босую команду.

III.

Гришка Орловъ полнѣе другихъ персонажей М. Горькаго выражаетъ типичныя черты босяка, какъ онъ представляется творческому воображенію талантливаго автора. Гришка Орловъ болѣе другихъ вызываетъ то, именно, смѣшанное чувство, съ какимъ читатель относится вообще къ героямъ М. Горькаго.

Мы сказали, что это чувство слагается изъ удивленія передъ силой босяковъ и въ то же время—досадной неудовлетворенности отъ ихъ безсилія разумно пользоваться своей силой.

Слѣдя за Гришкой Орловымъ, мы видимъ, что это человѣкъ сильный—и не потому только сильный, что онъ самъ говоритъ о своей силѣ, но и по его поступкамъ. Въ немъ много любви къ свободѣ и много досады на людей, что они запрятались отъ жизни въ яму и довольствуются тѣмъ, что имѣютъ кусокъ хлѣба. Гришка Орловъ безпокоится, мечется изъ стороны въ сторону, ища новой жизни. Въ то время, какъ трусливые сосѣди прячутся отъ санитара, вѣрятъ въ разныя сплетни про отравленіе людей, Орловъ смѣло помогаетъ студенту, а затѣмъ свободно разрываетъ съ обстановкой прежней жизни и вступаетъ въ новую. Въ этомъ послѣднемъ поступкѣ сказалась большая сила Гришки Орлова. Если мы присмотримся хорошенько къ людямъ, мы увидимъ, что обыкновенно человѣкъ привязывается очень легко къ тому порядку жизни, который установился помимо его воли. Часто не-

счастія происходятъ отъ того, что у человѣка не хватаетъ смѣлости перейти къ новому порядку жизни, хотя бы этотъ порядокъ имѣлъ очевидныя преимущества передъ прежнимъ порядкомъ. Въ данномъ случаѣ, человѣкъ какъ бы лишается свободы дѣйствій и безвольно подчиняется теченію обстоятельствъ внѣшней жизни.

Орловъ въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ сильнымъ человѣкомъ. Но при всей своей силѣ онъ въ то же время безсиленъ, потому что не знаетъ, какъ пользоваться своей силой, къ чему ее приложить.

Прислушаемся къ его, полной горечи, исповѣди передъ авторомъ, когда онъ встрѣтился съ послѣднимъ въ кабакѣ: „вотъ такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло (это онъ про больницу). Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-ни... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... вдребезги! Н-да-а! Чортъ те возьми... И ахъ, какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!“

Прислушаемся, повторяемъ, къ исповѣди Гришки, и мы поймемъ его тяжелыя страданія, происходящія отъ безсилія спрятаться отъ своей большой силы. Ему хочется отличиться, хочется

геройскаго подвига, потому что онъ чувствуетъ къ этому силу. Но гдѣ искать ему подвига,—онъ не знаетъ... и распаленное воображеніе рисуетъ ему подвигъ то въ видѣ раздробленія земли въ пыль, то въ видѣ избіенія съ шайкой товарищей всѣхъ до одного жидовъ. Сквозь смутное сознаніе своего безсилія Гришка Орловъ одно, кажется, чувствуетъ, что виною его страданій служатъ люди; онъ это чувствуетъ, и потому, прежде всего, ему хочется занять высоту, чтобы оттуда плюнуть въ глаза людямъ и обратиться къ нимъ съ тѣми обидными словами, въ какихъ онъ выразилъ свою досаду на людей автору.

Ту же досаду на людей изливаетъ Коноваловъ, герой разсказа „Коноваловъ“, когда, при встрѣчѣ съ авторомъ въ Ѳеодосіи, такъ отзывается о городахъ, гдѣ скучиваются люди: „совсѣмъ напрасно, ты, Максимъ,—говоритъ онъ съ горькой досадой автору,—въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо. Люди? На кой ихъ чортъ тебѣ?“ Онъ склоненъ, повидимому, видѣть причину непорядковъ жизни въ людяхъ, и ему представляется идеальной жизнью—жизнь въ полномъ одиночествѣ, такая жизнь, про какую читала ему въ госпиталѣ сестра милосердія. Въ книжкѣ этой разсказано про одного англичанина, спасшагося отъ кораблекрушенія на безлюдномъ островѣ и устроившаго на немъ себѣ жизнь. „Понимаешь, какая жизнь?“—съ восторгомъ восклицаетъ онъ.—„Островъ, море, небо—ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ!

Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ —на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно.“

Но на ряду съ видимымъ негодованіемъ на людей, Коноваловъ въ другомъ мѣстѣ силится доказать автору, что несчастіе человѣка не зависитъ отъ окружающихъ и что отъ перестройства общественной жизни положеніе вещей для отдѣльнаго человѣка не измѣнится. Коноваловъ ищетъ въ себѣ „непорядка“ въ жизни и никакъ не могъ согласиться съ авторомъ, когда тотъ, идя навстрѣчу просьбѣ Коновалова объяснить его жизнь, началъ говорить „объ условіяхъ и средѣ, о неравенствѣ вообще, о людяхъ – жертвахъ жизни, и о людяхъ—жрецахъ ея.“ На проектъ реорганизаціи общественной жизни Коноваловъ отозвался слѣдующими словами: „ну, тебя... Слыхалъ это... Тутъ не въ жизни дѣло, а въ человѣкѣ. Первое дѣло—человѣкъ... понялъ? Ну, и больше никакихъ... Этакъ-то, по-твоему, выходитъ, что, пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все-таки долженъ оставаться, какъ теперь. Тоже... Нѣтъ, ты его перестрой сначала, покажи ему ходы... Чтобы ему было свѣтло и не тѣсно на землѣ—вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находить свою тропу... А это что... выдумка одна...“

Босяки М. Горькаго никакъ не могутъ разобраться въ окружающемъ, потому что они являютъ собою олицетвореніе „со всей страстью тоскующаго“, безъ „точки“ духа. Коноваловъ и Орловъ, а за ними и вообще всѣ герои Горькаго,

сильны и слабы, именно, своею тоскою, вслѣдствіе отсутствія „точки“. Сильны потому, что они не удовлетворяются маленькой точкой, какою держится большинство среднихъ людей, довольствуясь безмятежно тѣмъ малымъ, что дала имъ жизнь; слабы—потому, что, неудовлетворяясь маленькой „точкой“, они не въ состояніи найти большую „точку“, и черезъ то тоскуютъ въ жизни и пропиваютъ свои силы, то находя причину своей тоски въ самихъ себѣ, то обвиняя въ ней окружающихъ людей.

Иногда босяки М. Горькаго дѣлаютъ попытку объяснить себѣ свою силу, особое положеніе въ современномъ обществѣ. Они смотрятъ на себя съ большою гордостью, намѣчая для себя немаловажную роль въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ „Бывшіе люди“.

Заглянемъ на минутку въ „ночлежку“ ротмистра въ отставкѣ Аристида Ѳомича Кувалды въ то время, когда здѣсь „бывшіе люди“ ведутъ горячую бесѣду за газетой. Начавъ съ купцовъ, собесѣдники переходятъ къ самимъ себѣ, и вотъ что говоритъ про себя самъ ротмистръ Кувалда: „намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... намъ нужно что-то такое, новое... ибо и мы въ жизни новость“... На злое замѣчаніе одного изъ собесѣдниковъ, что всѣ они есть ничто иное, какъ „гольтепа,“ которая всегда была, ротмистръ съ гордостью вспоминаетъ про Ромула и Рема и говоритъ: „Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ...“ Кувалда не до-

говорилъ начатаго, и читатель съ грустью сознается себѣ, что, продолжи свою рѣчь ротмистръ, онъ ничего другого не сказалъ бы, кромѣ того, что мы слышали отъ Гришки Орлова, именно, о смутномъ представленіи какого-то геройскаго подвига. Сила чувствуется—но нѣтъ точки, къ которой она могла бы приложиться. Правда, иногда окружающіе босяковъ М. Горькаго дѣлаютъ попытку остановить ихъ вниманіе на той или другой „точкѣ“, помочь имъ разобраться во внутреннемъ хаосѣ, но они уклоняются отъ помощи, не удовлетворяясь предлагаемыми имъ „точками“. Мы уже видѣли, какъ отнесся Коноваловъ къ теоріи автора о реорганизаціи общественной жизни. Другой примѣръ того же мы находимъ въ разсказѣ „Озорникъ“. Герой разсказа, наборщикъ типографіи одной газеты, Николка Гвоздевъ, случайностями жизни отброшенный въ сторону отъ своихъ товарищей, съ которыми учился вмѣстѣ, старается разрѣшить себѣ загадку жизни, причины разсортировки людей на удачниковъ и неудачниковъ. Случай сталкиваетъ его съ редакторомъ, который также былъ раньше въ средѣ его товарищей, и Николка Гвоздевъ ставитъ ему на разрѣшеніе наболѣвшій вопросъ; когда же тотъ пробуетъ объяснить этотъ вопросъ съ извѣстной „точки“ зрѣнія, Гвоздевъ перебиваетъ его: „зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца! Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливость жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки забраковать? А я забракованъ въ жизни—нѣтъ

мнѣ въ ней хода... Почему-съ? Потому, что не ученъ? Такъ, вѣдь, ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе —должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь вверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или—съ точки зрѣнія—не должны?"

Повидимому, въ приведенныхъ словахъ Николки Гвоздева слышится нѣкоторая слабость, зависть къ людямъ, которые у него на глазахъ умѣютъ жить спокойно, не смущаясь частыми противорѣчіями въ окружающемъ. Онъ не прочь какъ будто просить помощи у своихъ бывшихъ товарищей извлечь его вверхъ. Но тутъ же Николка поправляется, и въ его словахъ относительно „точекъ зрѣнія" господъ жизни слышится иронія и, можетъ быть, скрытая гордость, что онъ не можетъ довольствоваться тѣмъ малымъ, чѣмъ довольствуются его бывшіе товарищи.

Одно, кажется, хорошо сознаютъ босяки М. Горькаго,—или, вѣрнѣе, нервами чувствуютъ, что имъ нужна свобода, просторъ и близость природы. Они любятъ свободу ради самой природы и, можетъ быть, въ этомъ случаѣ напоминаютъ собою сокола, про котораго автору разсказалъ пѣсню старый крымскій чабанъ, Надыръ-Рагимъ-Оглы.

IV.

Для уясненія творчества М. Горькаго большого вниманія заслуживаетъ маленькій разсказъ

названнаго писателя „Пѣсня о Соколѣ“,—разсказъ, въ высокой степени поэтичный написанный въ формѣ „унылаго речитатива“, въ которомъ слышится своеобразная степная мелодія пѣсни.

Въ „Пѣснѣ о Соколѣ“ дѣйствующими персонажами являются соколъ и ужъ. Въ ущелье, гдѣ сладко покоился ужъ, упалъ съ неба соколъ съ разбитой грудью—послѣ горячей борьбы съ врагомъ. Ужъ подползъ къ соколу, и между ними завязывается бесѣда. Ужъ хвалитъ свое житье въ ущельѣ, гдѣ „прекрасно... тепло и сыро“; соколъ страстно разсказываетъ о жизни въ небѣ и съ болью и тоской вскрикиваетъ: „о, если бъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!.. О счастье битвы!“

Предсмертный крикъ сокола былъ настолько искреннимъ, что ужу самому захотѣлось въ небо, и онъ, свернувшись кольцомъ, прянулъ въ воздухъ. Но пресмыкающееся животное забыло, что „рожденный ползать—летать не можетъ,“ и потому оказалось безсильнымъ держаться въ небѣ, пало сверху, но не разбилось, а самодовольно разсмѣялось.

И вотъ къ какому заключенію приходитъ ужъ относительно полетовъ въ небо:

„Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной.

Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!... Но не обманутъ теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, и только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ... Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я...“

Перенесемся воображеніемъ къ босякамъ М. Горькаго,—и мы поймемъ, что подъ символомъ сокола скрыты тѣ же стремленія духа, которыя характерны для героевъ босяковъ. Послѣдніе стремятся къ свободѣ, на просторъ, гдѣ много свѣта. Имъ душно въ ущельѣ, въ тѣхъ ямахъ, какими является сапожная мастерская Гришки Орлова, булочное заведеніе въ подвалѣ, гдѣ томился Коноваловъ, и вообще—та обстановка жизни, какою довольствуются легко приспособляющіеся люди и которую тотъ же Гришка Орловъ окрестилъ, какъ и свой подвалъ, именемъ „ямы“. Герои М. Горькаго бѣгутъ отъ такой жизни и въ союзѣ съ могучей природой наслаждаются веселой свободой, подобно старухѣ Изергиль изъ разсказа того же имени, до глубокой старости бодро проводящей жизнь съ молодыми молдаванами подъ Аккерманомъ, въ Бессарабіи, на морскомъ берегу;—или мечтаютъ, подобно Коновалову, о жизни, какую устроилъ себѣ фантастич-

ный англичанинъ-матросъ, спасшійся отъ кораблекрушенія на безлюдномъ островѣ;—или, путаясь въ хаосѣ своихъ желаній, подобно Мальвѣ, уносятся воображеніемъ далеко, въ безпредѣльное море: „иной разъ,—признается Мальва такому же, какъ и сама, оторванцу отъ жизни, Сережкѣ,—сѣла бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видѣть.“

Но у Сокола была не только жажда къ свободѣ и широкому простору. Онъ любитъ небо не только за его просторъ, но также за то, что здѣсь бьется онъ со своими врагами, а для него въ битвѣ заключается высшее счастье. Для него битва являетъ прелесть сама по себѣ, безъ отношенія къ какой-либо опредѣленной цѣли. Онъ храбръ,—но храбръ безумно, потому что не отдаетъ отчета въ своей храбрости, не задается мыслью, къ чему приведетъ его храбрость. Лишь авторъ поясняетъ намъ въ „Пѣснѣ о Соколѣ“, въ чемъ суть безумной храбрости гордой птицы: „безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни!.. О смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!“

„Безумство храбрыхъ“—вотъ, кажется, идеалъ М. Горькаго, который полностью олицетворенъ въ образѣ Сокола. Но Соколъ лишь иносказательный образъ, не имѣющій прямого отношенія къ жизни людей. Соколъ—свободная птица, не связанная цѣпями, какими для человѣка

являются привязанности къ мѣсту, къ другимъ людямъ. И вотъ, когда М. Горькій подошелъ со своимъ идеаломъ къ прямой, а не иносказательной жизни, онъ увидѣлъ, что среди людей слишкомъ много Ужей, привязанныхъ къ своему ущелью и гордыхъ тѣмъ, что могутъ довольствоваться малымъ, расхваливая это малое, какъ Ужъ хвалитъ свое ущелье: „мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!“ Ихъ не смутишь высшими стремленіями духа, потому что они думаютъ, что нашли смыслъ въ жизни, и иная жизнь, чѣмъ та, какою они живутъ, имъ кажется пустою, какъ Ужу небо казалось пустымъ мѣстомъ. Не будучи въ состояніи по своей природѣ держаться въ небѣ, онъ отъ своего паденія заключаетъ, что прелесть полетовъ въ небо состоитъ въ паденіи, и находитъ страсть Сокола смѣшною бреднёй. Такъ мудрецы-стоики въ душѣ смѣются надъ бреднями своихъ безпокойныхъ товарищей, думая про нихъ, какъ думалъ Ужъ про Сокола: „летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ.“

Однако зоркій глазъ художника подмѣтилъ среди инертныхъ мудрецовъ типъ человѣка съ рѣзкой индивидуальностью, отличающей его отъ обыденнаго типа людей, которыми полна окружающая жизнь. Человѣкъ этотъ—босякъ. Въ немъ М. Горькій нашелъ близость къ своему идеалу, на немъ остановилъ свое вниманіе и въ его жизни нашелъ богатый родникъ для своего творчества. Здѣсь намъ хочется оговориться, что „босяцкія“ черты встрѣчаются не въ одномъ босякѣ, какъ мы видимъ послѣдняго въ

живой жизни: онѣ характерны вообще для извѣстнаго темперамента. Въ настоящемъ босякѣ эти черты лишь полнѣе выражены; по своему положенію въ обществѣ, босяки имѣютъ возможность свободнѣе проявлять свой темпераментъ. Въ послѣднемъ романѣ своемъ „Ѳома Гордѣевъ“ М. Горькій распространяетъ черты, характерныя для босяка, на Ѳому Гордѣева, представителя купеческаго сословія.

Но идеалъ всегда остается идеаломъ и легко мыслимый въ формѣ символа,—въ данномъ случаѣ, въ иносказательномъ образѣ Сокола,—въ практическомъ своемъ осуществленіи, въ преломленіи сквозь призму живой жизни, теряетъ свою кристалльную ясность и, облекаясь въ образъ босяка, становится загадкой. Гришка Орловъ, любимецъ М. Горькаго, въ томленіи отъ большой силы, какую въ себѣ чувствуетъ, ищетъ подвига, битвы и то воображаетъ себѣ врага въ видѣ холеры, принявшей образъ богатыря Ильи Муромца, то высказываетъ страстное желаніе раздробить всю землю въ пыль или перебить съ шайкой товарищей всѣхъ жидовъ. Въ этомъ сказывается, можетъ быть, „безумная храбрость“ Гришки.

Не менѣе безумна въ своихъ желаніяхъ родственная натура Гришкѣ, Мальва, съ какимъ-то упоеніемъ признававшаяся, что „иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла, да и пустила вокругъ себя. Смотрѣла бы на него и смѣялась.“ Въ этомъ признаніи чувствуется та же жажда къ битвѣ, желаніе стоять выше дру-

гого и упиваться своей побѣдой и посрамленіемъ противника. Но тутъ же Мальва открываетъ и свою слабость. Она далека отъ того упоенія, какое испытываетъ Соколъ, потому что состояніе духа ея неровное: „то жалко всѣхъ мнѣ,— раскрываетъ она свою душу Сережкѣ,—а пуще всѣхъ—себя самое, то избила бы весь народъ. И потомъ бы себя... страшной смертью... И тоскливо мнѣ, и весело бываетъ... А люди всѣ какіе-то дубовые.“

Подобное двойственное душевное состояніе характерно для всѣхъ героевъ М. Горькаго. Они сильны тѣмъ, что стремятся кверху изъ душной обстановки мелочной жизни, но, уйдя отсюда на просторъ, на вольный воздухъ, теряютъ равновѣсіе и становятся слабыми. Продолжая быть гордыми, босяки въ то же время не могутъ скрыть въ своемъ голосѣ нотки жалости ко всѣмъ и къ самимъ себѣ. Въ исповѣди передъ авторомъ Гришка Орловъ, вспоминая свою горячую дѣятельность въ больницѣ во время холеры, признается: „вотъ такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло. Такъ я никакого подвига и не совершилъ.“ И хотя онъ сейчасъ же поправляется, съ гордостью заявляя: „но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно...“— уже въ этихъ словахъ чувствуется фальшь, и Гришка возбуждаетъ въ вашемъ сердцѣ чувство состраданія. Какъ раньше вы удивлялись его силѣ, его безумной смѣлости, такъ теперь вы испытываете досадную обиду за этого, въ дѣйствительности, сильнаго человѣка, за то, что

онъ не умѣетъ воспользоваться своей большой силой.

...И вамъ приходятъ на память слова Ужа, сказанныя про Сокола: „земли не зная, на ней тоскуя, онѣ (т. е. птицы) стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу.“ Вамъ не хочется вѣрить, вы гоните отъ себя мысль, подсказываемую противнымъ Ужомъ, но она бьетъ васъ по мозгу, и вы съ неудовольствіемъ, щемящимъ сердце, думаете про себя: „а, можетъ быть, и правда, что гордость босяковъ М. Горькаго, ихъ укоры—„затѣмъ, чтобъ ими прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни.“

Одно утѣшаетъ васъ, что герои талантливаго писателя далеки отъ ужинаго самодовольствія, и никогда они не удовольствуются тѣснымъ ущельемъ и не проникнутся философіей индиферентизма, выраженной Ужомъ въ короткихъ словахъ: „летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ.“ Въ нихъ много соколинаго, но они живутъ пока въ дремотѣ. Къ нимъ вполнѣ примѣнимы заключительныя слова разсказа „Пѣсня о Соколѣ“, которыми авторъ разрѣшаетъ свое настроеніе, вызванное въ немъ окружающимъ.

„Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажется, что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепенется и зазвучитъ въ стройной

гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуковъ. Эти звуки разскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ за собой душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда навстрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой откровенія...“

4 2р.